

УДК 94(47)»17/19»:271

DOI: 10.24412/2224-5391-2021-36-168-221

М. Ю. Нечаева

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ НОВО-ТИХВИНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ: ВЫБОР ПУТИ (К 210-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ ОБИТЕЛИ)

Аннотация. В статье рассматривается история появления Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря в широком контексте церковной политики синодального периода и практики монашеской жизни на рубеже XVIII–XIX вв. В этот период произошел выбор пути дальнейшего существования монашеской женской общины в Екатеринбурге. Рождение Ново-Тихвинского монастыря произошло в переломный для российского православного иночества исторический момент, когда предыдущая традиция монашества была практически прекращена секуляризационной имперской политикой от Петра I до Екатерины II, а новая еще не сложилась. В этот период представительницы женской общины монашествующих из Екатеринбурга обратились к опыту Саровской пустыни, хранившей верность нормам монашеского общежития, и Устав этой пустыни стал краеугольным камнем в организации монашества в Екатеринбурге. Община монашествующих, которая могла продолжать свое существование в виде богадельни, становится монастырем с общежительным уставом, продолжающим оказывать благотворительную помощь нуждающимся в новом статусе. В статье анализируется отношение различных кругов уральского общества и властных структур к идее создания монастыря в Екатеринбурге. Показано, что жители даже столь крупного города, каким был Екатеринбург на рубеже XVIII–XIX вв., положительно относившиеся к насельницам кладбищенской общины, не смогли собрать той минимальной суммы, которая могла бы обеспечить существование даже самого небольшого монастыря. Региональные светские власти интересовались не столько устройением монашеской жизни, сколько украшением городского пейзажа. Идея учреждения монастыря не тронула ни пермские епархиальные власти, ни екатеринбургских старообрядцев, имевших значительные экономические позиции. Трудности привели монахинь к пониманию, что будущее своей общины они должны обеспечить сами. Такая установка была адекватна новым условиям модернизирующегося российского общества, в котором религиозная жизнь утрачивала роль общественно значимой, признавалась частным делом индивида.

Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь: выбор пути...

Ключевые слова: *Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь, синодальный период, монастыри, модернизация общественной жизни, монастырский ландшафт, учреждение монастыря, православные монастыри.*

Цитирование. *Нечаева М. Ю.* Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь: выбор пути (к 210-летию открытия обители) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 36. С. 168–221. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-36-168-221

Сведения об авторе. *Нечаева Марина Юрьевна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, г. Екатеринбург). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3278-7269>. E-mail: atlasch@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.10.2021

Принята к публикации 11.11.2021

На сломе эпох

Екатеринбург своим рождением обязан металлургическому заводу, который был запущен 7 ноября (18 ноября по н. ст.) 1723 г., что традиционно и считается датой основания города. Строили город люди многих национальностей и конфессий, но большинство из них были православными, и одновременно с городом и заводом они возводили церкви. Но монастырь появился только почти через столетие. И это было неслучайно.

Ко времени основания города уже четко сложилось и было оформлено рядом указов отношение имп. Петра I к «чину монашескому». В Прибавлении к Духовному регламенту мая 1722 г. был приведен целый ряд конкретных правил к его «исправлению»¹, а в именном указе Синоду от 31 января 1724 г. «пространно» изложен смысл реформы². С уважением относясь к раннехристианскому монашеству, Петр I считал, что уже через 100 лет появились «монахи ленивые» и смысл иночества «извратился». Возможность бытования в России истинного монашества, следующего идеалам иноческой жизни и обеспечивающего себя своими трудами, Петр I отвергал, т. к. «сего весьма климат северная наша страна не допускает». Необходимость сохранения монашества он признавал только ради двух «вин»: для восполнения высшей церковной иерархии («архиерейства») и «ради удовольствования прямою совестью оное желающих». Для 1-й задачи достаточно было 2 монастырей, где бы обучали бого-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830 (далее: ПСЗ-1). Т. 6. № 4022.

² Там же. Т. 7. № 4450.

словским наукам, проповедничеству, а наиболее отличившихся предлагали бы к избранию в архимандриты «знатных» монастырей и в архиереи³.

Особая польза для мирян иноческой молитвы Петром I не признавалась: «А что говорят, молятся, то и все молятся». Современное ему российское монашество в массе своей Петр I не считал принявшим иноческий сан «прямой совестью» и усматривал в уходе в монастырь не бегство от мирской суеты ради служения Богу, а бегство от труда и скорбей из-за лени и нерадения. Свой долг государя император видел в исправлении монашества. Полагая корень всех бед в праздности иночества, Петр I считал, что его существование может быть оправдано конкретной «прибылью» обществу путем обращения монастырей к благотворительному подвижничеству. Мужские монастыри должны были заниматься служением отставным военным и нищим, а женские — призрением нищих и воспитанием сирот обоюбого пола. Численность монашествующих значительно превышала потребности в таких благотворительных подвижниках. Однако временно предполагалось оставить излишних монашествующих как добывающих пропитание трудами своих рук (монахов — сельскохозяйственными работами, монахинь — рукоделиями), при этом новые постриги в число трудящихся (пашенных) монахов запрещались. В число же служащих монахов постриг мог совершаться только после полного исчерпания ресурса пашенных монахов.

Намерением Петра I было установить штаты монастырей: определить их количество и списочный состав, количество монашеских мест в каждом и положенное содержание в зависимости от исполняемых послушаний. Чтобы иметь возможность собрать сведения о наличном составе иночествующих, а также исходя из тезиса об излишнем количестве имеющихся монастырей, был введен запрет строить новые монастыри без ведения Синода (сформулированный в Прибавлении к Духовному регламенту)⁴ и запрет на постриг (именным указом 28 января 1723 г.)⁵. Таким образом, ко времени основания Екатеринбурга строить монастыри и принимать постриг было запрещено.

Смерть императора в 1725 г. не дала осуществиться его плану относительно монашества в полной мере. Но преемники Петра на российском троне продолжали готовить введение штатов, сохраняя одновременно социальные и возрастные ограничения на постриг, введенные Петром (хотя и сделав в них некоторые исключения), практически полностью перекрывавшие доступ в ряды иночества представителей податных слоев российского общества, из которых в предыдущий период в основном и формировалось монашество. Численность монашествующих, не имеющая пополнения, сокращалась, а уже принявшие постриг с годами дряхлели и имели меньше возможностей исполнять необхо-

³ ПСЗ-1. Т. 7. № 4450.

⁴ Там же. Т. 6. № 4022.

⁵ Там же. Т. 7. № 4151.

димые послушания в обителях и в монастырских вотчинах. К тому же отставные военные предпочитали жить в монастырских владениях, а не в богадельнях обителей. Петровский замысел исправления монашества путем обращения на благотворительное служение ближним на практике провалился. Уже со времен имп. Елизаветы Петровны возобладало отношение к монашеству как к кругу требующих государственного призрения лиц, что еще больше закрепило тенденцию к введению штатов монастырей: светская власть собиралась взять на себя заботы и об отставных военных, и о самих монахах, регулируя численность, размещение и содержание тех и других. И монастырские владения тоже взять в пользу государства, мотивируя это тем, что за счет доходов с этих земель и будут выдаваться штатные средства монастырям и содержание отставным военным.

Имп. Екатерина II указом от 26 февраля 1764 г. провела секуляризацию церковных владений во всех великороссийских епархиях. Для монастырей вводились штаты, определявшие численность духовных лиц, на которых давалось государственное содержание, при этом из их управления изымались земельные владения и крестьяне⁶. Из монастырей, имевших земельные владения и крестьян, были выделены 162 мужских и 67 женских, которым были определены штаты. Предполагалось оставить 3 918 штатных мест: 1 366 для монахинь и 2 552 для монахов⁷. 31 марта 1764 г. императрица утвердила доклад Комиссии о церковных имениях, предлагавший оставить в качестве заштатных еще 161 мужской монастырь, выбрать которые могли епархиальные архиереи, «из самых лучших... точию б были такие, кои бы неоскудное к содержанию своему довольство от мирского подаяния иметь могли», причем земли и прочие угодья, прежде им принадлежавшие, изымались, а милостыню просить заштатным монахам запрещалось. Женские заштатные монастыри не предусматривались⁸. Не попавшие в число заштатных и штатных обители подлежали закрытию.

Общая численность монашествующих, предусмотренная екатеринскими штатами, была примерно в 2,5 раза меньше той, которая имела к 1764 г.⁹ Сокращение численности должно было произойти со временем по мере вымирания монашествующих (новые постриги были запрещены до окончания разве-

⁶ ПСЗ-1. Т. 16. № 12060.

⁷ Там же. Т. 44. Ч. 2. Отд. 3. К № 12060.

⁸ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания (далее: ПСПиР). Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. СПб., 1910. Т. 1. № 175. Этот же указ см.: ПСЗ-1. Т. 16. № 12121.

⁹ По данным на 1759 г., в монастырях проживало 10 092 монашествующих, по штатам оставалось 3 918 мест (см.: *Комиссаренко А. И.* Разработка законодательных актов секуляризационной реформы 1764 г. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 1998. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. С. 35).

дения наличного состава по обителям, а сами условия получения разрешения на постриг еще более регламентированы и ужесточены). Перевод монашествующих из закрываемых монастырей на штатные места носил отчасти формальный характер, поскольку престарелых и немощных, которым не по силам был переезд, согласно указу 27 ноября 1769 г. оставляли на прежних местах и только зачисляли в штат на бумаге¹⁰. В 1786 г. реформа была распространена и на монастыри Малороссии¹¹, а в 1788 г. — на монастыри Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской губерний¹². Пока шло перераспределение монашества с учетом и этих регионов, создание новых монастырей и постриги в имеющихся также были невозможны, хотя это перераспределение уже на практике и не затрагивало большинство великороссийских епархий. Введение штатов монастырей в юго-западных землях, присоединенных в Российской империи в конце XVIII в., и Грузии, проводившиеся вплоть до середины XIX в., уже осуществлялось в рамках этих регионов¹³. Всего, по подсчетам П. Чудецкого, в ходе реализации реформы было закрыто до конца XVIII в. 637 монастырей из 1 072, имевшихся к 1764 г. (60 %), в т. ч. 508 мужских (из 863) и 129 женских (из 209)¹⁴.

XVIII в. стал периодом не созидания новых монастырей в России, а уничтожения имевшихся¹⁵. Не удивительно, что монастырь в Екатеринбурге не мог возникнуть в это время.

Жители Екатеринбурга теоретически могли принять монашество (если соответствовали социальным, возрастным ограничениям) в одном из уже существовавших к Синодальному периоду монастырей региона. Из мужских ближайшими к городу были Далматовский Успенский, Невьянский Богоявленский, Верхотурский Николаевский. Из женских — Далматовский Введенский,

¹⁰ ПСПиР. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. СПб., 1910. Т. 1. № 637. Этот же указ см.: ПСЗ-1. Т. 19. № 13721.

¹¹ ПСЗ-1. Т. 22. № 16374, 16375, 16411, 16721; Т. 44. Ч. 2. Отд. 3. К № 12060. С. 54–55.

¹² Там же. Т. 22. № 16649; ПСПиР. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. Петроград, 1915. Т. 3. № 1442.

¹³ ПСЗ-1. Т. 31. № 24696; Т. 39. № 30010; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. СПб., 1843 (далее: ПСЗ-2). Т. 17. Отд. 1. № 15188; Отд. 2. Приложения. К № 15188; Чудецкий П. И. Опыт исторического исследования о числе монастырей русских, закрытых в XVIII и XIX веках. Киев, 1877. С. 29; Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем: в 3 т. СПб., 2007. С. XI.

¹⁴ Чудецкий П. И. Опыт исторического исследования... С. 35–37. Попытки определить количество закрытых монастырей в XVIII в. в целом и за отдельные периоды предпринимались неоднократно и несколько расходятся в показателях, но все они строятся на неполных и недостаточно проверенных данных, поэтому до сих пор носят ориентировочный характер.

¹⁵ Подробнее о политике относительно монастырей и практике ее реализации в XVIII в. см.: Нечаева М. Ю. Монашество Среднего Урала синодального периода: принципы формирования и социальный состав. Екатеринбург, 2019. С. 37–114.

Верхотурский Покровский. К сожалению, сохранились лишь некоторые ведомости о монашествующих этих обитателей за XVIII в., но в них не упоминаются те, кто прибыл из Екатеринбург¹⁶.

Начало монастырю в Екатеринбурге было положено в самом конце XVIII в., но в первые годы существования небольшая женская община, стоявшая у его истоков, определялась как богадельня, а вовсе не монастырь.

Выбор между богадельней и монастырем

К сожалению, архив Екатеринбургского монастыря не сохранился, и его первоначальную историю приходится воссоздавать по отдельным документам, имеющимся в фондах Синода, Екатеринбургской городской думы, Главной конторы Екатеринбургских казенных горных заводов, Екатеринбургской городской полиции, Горного начальника екатеринбургских заводов. Существенным подспорьем

¹⁶ Изучены материалы ведомостей: Ведомость о монахах Далматовского Успенского мужского монастыря от 17 сентября 1733 г. // Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. 224. Оп. 1. Д. 167. Л. 33–34 об.; Ведомость о монахинях Далматовского Введенского девичьего монастыря от 17 сентября 1733 г. // Там же. Л. 37–42 об., 51 об. – 54; Ведомость о монахах Далматовского Успенского мужского монастыря за 1755 год // Там же. Д. 520. Л. 1–5; Ведомость о монахинях Далматовского Введенского девичьего монастыря за 1755 год // Там же. Л. 5 об. – 11; Ведомость о монахах Далматовского Успенского мужского монастыря за 1756 год // Там же. Д. 533. Л. 2 об. – 9; Ведомость о монахинях Далматовского Введенского девичьего монастыря за 1756 год // Там же. Л. 9 об. – 16; Ведомость о монахах Далматовского Успенского мужского монастыря за 1757 год // Там же. Д. 555. Л. 1 об. – 36; Ведомость о монахинях Далматовского Введенского девичьего монастыря за 1757 год // Там же. Л. 4 об. – 8; Ведомость о монахах Далматовского Успенского мужского монастыря за 1759 год // Там же. Д. 609. Л. 51 об. – 54; Ведомость о монахинях Далматовского Введенского девичьего монастыря за 1759 год // Там же. Л. 55 об. – 60; Ведомость о монахах Далматовского Успенского мужского монастыря за 1760 год // Там же. Д. 653. Л. 8 об. – 12; Ведомость о монахинях Далматовского Введенского девичьего монастыря за 1760 год // Там же. Л. 13 об. – 18; Ведомость о монахах Далматовского Успенского мужского монастыря за 1761 год // Там же. Л. 71 об. – 75; Ведомость о монахинях Далматовского Введенского девичьего монастыря за 1761 год // Там же. Л. 78 об. – 83; Ведомость о монахах Далматовского Успенского мужского монастыря за сентябрь 1762 года // Там же. Д. 687. Л. 8–9 об.; Ведомость о монахинях Далматовского Введенского девичьего монастыря за сентябрь 1762 года // Там же. Л. 10–11; Ведомость о монахах Далматовского Успенского мужского монастыря за 1755 год // Там же. Д. 520. Л. 1–5; Ведомость о монахинях Далматовского Введенского девичьего монастыря за 1755 год // Там же. Л. 5 об. – 11; Ведомости о монашествующих по монастырям Тобольской епархии. 1759–1768 годы // Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 156. Оп. 1. Д. 2777; Дело о переводе монахини Верхотурского Покровского девичьего монастыря Марии в Тюменский Успенский девичий монастырь. 1772 год // Там же. Оп. 2. Д. 2885; Дело по рапортам монастырских правлений о предоставлении ведомостей о монашествующих за 1783 год // Там же. Оп. 3. Д. 2727; Рапорты настоятелей монастырей о предоставлении ведомостей о числе монашествующих за 1784 год // Там же. Д. 2926; Ведомости о монашествующих всех монастырей Тобольской епархии за 1788 год // Там же. Оп. 4. Д. 167; Ведомость о числе монашествующих в монастырях Тобольской епархии за 1789 год // Там же. Д. 347; Именные ведомости о монашествующих и бельцах Тобольского архиерейского дома и монастырей по Тобольской епархии и о требуемом для них жалованье за 1796 год // Там же. Д. 2054.

стало наличие дореволюционных публикаций по истории монастыря, в которых достаточно пространно цитировались и ныне не сохранившиеся документы¹⁷.

В конце XVIII в. в Екатеринбурге при кладбищенской Успенской церкви, находившейся, как считалось, уже за городом (ныне это центр Екатеринбурга), поселились несколько женщин. Сколько их было поначалу и когда они там появились, — точно неизвестно. Известно, что с 1796 там жили как минимум трое. Самой старшей была Анастасия Самойлова Никитина — крестьянская девица из с. Горнощитского (в 20 км от Екатеринбурга) 1735 года рождения¹⁸. 2 других были выходцами из семей мастеровых уральских заводов: вдова мастерового и дочь доменного подмастерья Каменского казенного завода (в 100 км от Екатеринбурга) Татьяна Игнатьева Филинкова (в девичестве — Казанцова) 1742 года рождения¹⁹ и жена солдата Екатеринбургской горной роты²⁰ Петра Сергеева с Березовских золотых приисков Татьяна Андреева Митрофанова. Последняя родилась в 1763 г. в семье мастерового частного Верх-Исетского завода господ Яковлевых, расположенного в окрестностях Екатеринбурга.

Именно Татьяна Андреева, хотя и была моложе остальных, стала неформальным лидером небольшой женской общины. В 1796 г. ей было 33 года, к этому времени ее муж находился на военной службе 14 лет, и она не ведала, жив ли он, поэтому предпочитала называться девичьей фамилией — Костромина. Детей у них не было, хотя при Верх-Исетском заводе у Татьяны оставались

¹⁷ *Иконников В.* Историческое описание Екатеринбургского Ново-Тихвинского первоклассного девичьего монастыря. СПб., 1875; *Штейнфельд Н. П.* Исторический очерк столетия Екатеринбургского Ново-Тихвинского первоклассного девичьего монастыря. Екатеринбург, 1901. Особо стоит отметить информационную ценность оставшейся незаконченной и анонимной публикации материалов в Екатеринбургских епархиальных ведомостях: *Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря // Екатеринбургские епархиальные ведомости (далее — ЕЕВ). 1905. № 4 (отд. неоф.). С. 95–102; № 5 (отд. неоф.). С. 129–133; № 7 (отд. неоф.). С. 193–198; № 10 (отд. неоф.). С. 299–305; № 12 (отд. неоф.). С. 398–405; № 13 (отд. неоф.). С. 434–438; № 14 (отд. неоф.). С. 468–474; № 15 (отд. неоф.). С. 497–501; 1906. № 24 (отд. неоф.). С. 808–814; 1907. № 3 (отд. неоф.). С. 53–59; № 5 (отд. неоф.). С. 95–103; № 7 (отд. неоф.). С. 153–162; № 7 (отд. неоф.). С. 153–162; 1910. № 5 (отд. неоф.). С. 121–136; № 7 (отд. неоф.). С. 163–176; № 9 (отд. неоф.). С. 204–215.*

¹⁸ Первые документы, касающиеся общины, полны разночтений. Так, фамилия Анастасии Самойловой указывается и как Никитина, и как Сапожникова, а дата ее рождения — по одним данным 1735 г., по другим — 1738 г. (Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой о дозволении устроить женский монастырь в городе Екатеринбурге, с наименованием его Ново-Тихвинским. 1807–1810 гг. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 65 об.; *Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 5 (отд. неоф.). С. 130.*

¹⁹ Биографические данные о Татьяне Игнатьевой тоже противоречивы: она указывается вдовой то мастерового, то солдата, причем в одних документах указано, что она ранее проживала при Каменском заводе, в других — что ее муж служил при Екатеринбургском монетном дворе (Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 65; *Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 5 (отд. неоф.). С. 130.*

²⁰ По иным источникам — мастерового.

родственники. Ее муж вплоть до своей кончины 22 декабря 1806 г. пребывал на военной службе: до 1790 г. — в Выборгском мушкетерском полку, после — в Кольванском мушкетерском полку, дослужился до унтер-офицера²¹. Примерно в 1805 г. он пришел в «домовой отпуск», повидался с женой и, по воспоминаниям племянника Татьяны, «когда сознав истинное расположение своей жены в богоугодном деле, доказанном о сооружении в городе Екатеринбурге общины, не только [не] требовал ее к себе, [но] даже и себя от нее усторонял и наконец дал ей для свободного где пожелает жительства вечное увольнительное письмо»²². После этого никаких сведений о себе он жене не присылал²³.

Год спустя, в 1797 г., к насельницам кладбищенской общины присоединилась Евдокия Иванова Портнягина, 29 лет, с Уктусского казенного завода²⁴.

В 1798 г. община пополнилась новыми насельницами. 4 девицы пришли из самого Екатеринбурга и его окрестностей (в радиусе 50 км): дочь мастерового из Екатеринбурга Екатерина Иванова Логинова, 28 лет²⁵; дочь мастерового частного Полевского завода Фекла Евтефеева Орлова, 50 лет²⁶; крестьянская дочь из Арамильской волости Анна Васильева Коптякова, 30 лет²⁷; крестьянская дочь из с. Шитовского Екатеринбургской волости Александра Афанасьева Костарева, 20 лет²⁸. Тогда же появились первые насельницы из более отда-

²¹ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 211; Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 5 (отд. неоф.). С. 130; 1907. № 11 (отд. неоф.). С. 248–249.

²² Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 67–68.

²³ Прощение Татьяны Костроминой в Синод // РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924. Л. 16 об.; Письмо адмирала Федора Ушакова в Синод от 12 апреля 1809 г. // Там же. Л. 17–18 об.

²⁴ Сведения о Евдокии Портнягиной тоже противоречивы: ее отчество указывается то как Иванова, то как Елисеева или Алексеева, возраст — то 29 лет, то 25 лет, она была родом из семьи то ли солдата, то ли мастера Уктусского завода (Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 66 об.; Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 5 (отд. неоф.). С. 130).

²⁵ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 66 об.

²⁶ По одним источникам она значится дочерью мастерового, по другим — крепостного крестьянина, фамилия имеет 2 варианта — Орлова или Орловых (Там же. Л. 66; Протоколы Екатеринбургской градской полиции за 1802 год // Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 35).

²⁷ Фамилия имеет 2 варианта — Коптякова или Коптелова, возраст тоже указывается по-разному: 30 лет или 35 лет (Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 66; Протоколы Екатеринбургской градской полиции за 1802 год // ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 33–33 об.; Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 5 (отд. неоф.). С. 130).

²⁸ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 66 об.

ленных мест. Так, пришла 70-летняя вдова капитана, дочь соликамского купца Евдокия Иванова Шарыгина (в девичестве Зырянова)²⁹.

Все эти насельницы прожили при кладбищенской церкви не менее 10 лет и дождалась официального учреждения монастыря в 1809 г. В первые годы пребывания при Успенском храме они могли временно отлучаться из общины, уезжая, например, к родственникам. Так, в декабре 1798 г. члены Екатеринбургского духовного правления во время своего визита обнаружили при церкви из вышеперечисленных только Никитину, Филинкову, Костромину, Портнягину и Коптякову. Кроме них в кладбищенском доме тогда находились «богомолницы» девица Ирина Тимофеева из с. Горнощитского, 24 лет, слепая вдова Христина Яковлева из Арамиля, 48 лет, соликамская девица Наталья Козмина, 61 года, вдовая попадьа из с. Горнощитского Евдокия Смородинцева, 50 лет³⁰. Таким образом, к концу 1798 г. в кладбищенской общине проживало не менее 13 человек.

В сентябре 1798 г. эти «сиротствующие» вдовы и девицы обратились в Екатеринбургскую градскую думу с доношением, в котором просили выделить им из общественных сборов необходимую на приобретение дров, свечей, одежды и обуви сумму, а также официально разрешить им жить там, поскольку «все оне бедного состояния и не имеют в пропитании к содержанию себя никакой надежды» и «имеют оне желание, чтоб молить Бога за вся православные христиане каждой по день смерти безотлучно»³¹.

Градская дума исполнила желание богомолиц: определила им денежное пособие в размере 4 руб. в месяц, передала все необходимые документы для ходатайства об официальном признании пред епархиальным начальством и даже выразила намерение городского общества построить для них каменный келейный корпус вместо имевшегося деревянного дома, к чему сразу и приступили³².

Так в Екатеринбурге появилась 1-я богадельня при церкви. К тому времени в городе уже имелись небольшие благотворительные учреждения: в 1789 г. Петр Харитонов создал городскую богадельню, была и горнозаводская богадельня, однако они, по-видимому, не могли принять всех нуждающихся³³. Были богадельни и при церквях Тобольской епархии, но большинство из них находилось в самом Тобольске, и жители Урала редко могли найти там себе

²⁹ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминной... Л. 66 об.

³⁰ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 5 (отд. неоф.). С. 130. Позднее их присутствие в общине по историческим документам не прослеживается.

³¹ Цит. по изд.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 5 (отд. неоф.). С. 129.

³² Там же. С. 130–131.

³³ См.: Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 30. Деятельность благотворительных учреждений Урала рубежа XVIII–XIX вв. требует дальнейшего изучения.

призрение. Существовали все эти учреждения либо на частные пожертвования, либо на средства архиерейского дома³⁴.

Екатеринбургская кладбищенская богадельня должна была существовать за счет своих трудов, пожертвований и сумм, выделяемых из средств градской думы. Екатеринбургское градское общество в 1799 г. приговорило увеличить пособие богадельне до 10 руб. в месяц из расчета на 15 человек³⁵. Насколько можно судить по более поздним документам, это пособие в 120 руб. в год было назначено за счет некоторой суммы, единовременно внесенной в градскую казну. Вероятно, это были собранные среди горожан пожертвования, которые по постановлению думы были зачислены в градскую казну, а за это насельникам стали выплачивать ежегодное содержание. Размер пожертвований, обеспечивших существование «сиротствующих», неизвестен³⁶.

Указом архиепископа Тобольского Варлаама от 17 января 1799 г. женщинам официально позволялось жить при Успенской церкви. В Екатеринбурге об этом узнали 28–29 января³⁷. Архиепископ предписал Екатеринбургскому духовному правлению «смотреть того, дабы для жития во оном при церкви доме дозволения давались немалолетним вдовам и девицам, и сверх того не чуждающимся церкви святой, а которые повсегодно бывают у исповеди и святого причастия у православных священников». Екатеринбургская градская полиция обязана была надзирать за наличием у насельниц кладбищенской общины официальных разрешений («видов») от властей на проживание здесь, а также наблюдать «о добропорядочной их жизни»³⁸. Численность богадельщиц в ука-

³⁴ Самая большая в епархии женская церковная богадельня существовала при архиерейском доме в Тобольске: в 1799 г. в ней было 60 человек, им выдавалось жалование по 5 руб. в год каждой (Реестры богадельщиков Тобольского архиерейского дома за 1799 год // ГАТ. Ф. 156. Оп. 5. Д. 212. Л. 8–9 об.). Сведения о других церковных богадельнях епархии конца XVIII в. достаточно отрывочны, и это неслучайно: богадельни были невелики, могли временами закрываться и целиком зависели от нерегулярных пожертвований благотворителей (см.: Прошения людей разного звания и чина об определении их в богадельни при разных церквях Тобольской епархии за 1765–1781 годы // Там же. Оп. 3. Д. 440).

³⁵ *Иконников В.* Историческое описание... С. 2. Вероятно, к моменту принятия решения в богадельне и находилось 15 человек. Известно, что в 1799 г. в кладбищенскую богадельню пришла крестьянская девица из Бобровской волости Екатеринбургского уезда Василиса Ивановна Чурова, 29 лет, которая прожила в ней вплоть до учреждения монастыря в 1809 г. (Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 66).

³⁶ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 46 об.

³⁷ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 5 (отд. неоф.). С. 130–13; Регистр докладных дел Екатеринбургской городской думы 1799 года // ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 82. Л. 7; Журнал протоколов заседаний Екатеринбургской городской думы 1799 года // Там же. Д. 83. Л. 48.

³⁸ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 34–35.

зе архиеп. Варлаама определялась словами «сколько оных общество содержать согласится»³⁹. Отныне небольшая община «сиротствующих» (так и не получившая официального названия в документах) подлежала контролю со стороны духовных и гражданских властей.

Насельницы, «посвятив себя благочестивым подвигам и уединенной жизни», как писали впоследствии в одном из прошений, проводили время в трудах и молитвах, «упражняясь в пощении, молитвах и хождении в церковь, когда совершается в ней служение; ибо в помянутой церкви не всегда бывает оное совершаемо; а только тогда, когда, как она состоит при кладбище, отправляется погребение, другие же церкви, по жительству нашему за городом, от нас отдалены»⁴⁰.

«Упражнения» в благочестивой жизни с 1799 г. были поддержаны духовным советом протоиерея городской Богоявленской церкви Николая Вологодского. Вероятно, именно его духовное правление назначило (согласно предписанию тобольского архиерея) духовником насельниц кладбищенской богадельни.

Спустя 10 лет, когда решался вопрос о назначении духовника в монастырь, сестры просили оставить им именно этого батюшку, отмечая, что он «с минувшего 1799-го года, как мы нижайшие поселились на сие место к Успенской церкви [имеется в виду официальное разрешение на проживание при церкви. — М. Н.]... начав нас посещать, наставлял на спасительный путь, нередко нашему сословию говорил поучения о подражании монашескому житию... и весьма часто божественную при церкви нашей отправлял службу; а также своими убедительными просьбами склонял градоначальников и екатеринбургских жителей к поданию нам, сирым, помощи к жизненному продовольствию и прочим нашим потребам, а паче к построению каменного двухэтажного дома»⁴¹.

Градское общество опекало богадельню, назначало попечителей из числа состоятельных купцов и чиновников. Так, с 1803 г. попечителем был купец Ефим Старцов (Старцев), который и наблюдал за ходом строительства дома для насельниц. В 1806 г., когда он скончался, насельницы просили назначить им другого попечителя, отмечая, что «они без него остаются без всякого призрения и в потребном случае защищения»⁴². Попечительницей считалась и Татьяна Костромина⁴³.

Место, где обитала кладбищенская община, по-прежнему оставалось довольно глухим и даже небезопасным для смиренных богомолиц. Оно находи-

³⁹ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 5 (отд. неоф.). С. 131.

⁴⁰ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 1.

⁴¹ Там же. Л. 225–225 об.

⁴² Там же. Л. 47 об.; Иконников В. Историческое описание... С. 2–3.

⁴³ Иконников В. Историческое описание... С. 2–5; Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 4 (отд. неоф.). С. 102.

лось за городом, вдали от жилых строений. Близ кладбища была только караульная застава «на Уктусском въезде».

Время от времени в общине случались происшествия, нагонявшие страх на насельниц. Порожденные этими событиями следственные документы содержат колоритные детали о быте и даже характерах екатеринбургских богадельщиц. Одно из таких происшествий случилось вечером 29 декабря 1801 г.

В тот вечер после обычной вечерней молитвы в «богомольном покое» они уже стали расходиться, как вдруг в 6-м часу пополудни раздался громкий стук в дверь. Неизвестные, «пришед[ши] к богадельне к дверям, стучались у оных, не давая о себе знать, кто они таковые, по каковому сомнительству, да и так как уже было позднее время, они тех людей пускать в богадельню не стали». Испуганные женщины хотели запереть «богомольный покой», но грабители, отбив запор одного из окон, «вышибли стекольчатую из рам окончину» и, «скоча во оное», ввалились в дом. Грабители загасили огонь, и дальнейшее происходило в кромешной тьме. Впоследствии насельницы не вполне уверенно утверждали, что грабителей было трое, но описать могли лишь одного — того, который бил «бесчеловечно».

Преступник прихватил у ограды «деревянную лопатку» и, ворвавшись в дом, бросился на Настасью Самойлову Никитину, «ударил ее оной по голове, отчего ее изломал» (т. е. поранил) и «вышиб из ума». «Девушка Настасья» (66 лет) на время потеряла сознание, а когда пришла в себя, то «от страха и удара, так как огня не было, просидела в переднем углу, и оной ее не видал, а как он пошел ломать сундуки, то она тихим образом вышла из той богомольни, убежала в хлев и до приходу караульных солдат пролежала между коровами».

Увидев, как грабитель бьет Настасью, остальные насельницы, «устрашась такового битья, и хотели спасти жизнь свою, побежали из той комнаты на улицу». Воры кинулись за ними и смогли ухватить девушку Марию Селиверстову, дочь мастерового Верх-Исетского завода, и крестьянскую девушку Татьяну Миронову. Мария оказалась неробкого характера, и когда грабитель «схватил ее за волосы, притащил обратно в ту богомольню и бил бесчеловечно, давил за горло, и прося у нее денег ассигнациев, от коего она оборонялась, царапая его лицо, и нечаянно попался правой ее руки большой перст к нему в рот, то он прокуса его до крови, и более ее стал за горло давить. Между тем прочие его товарищи стали в той богадельне разбивать сундуки, то [и] он, думая, что ее задавил, и оставя в той богомольной, бросился к ним же, а она, между тем выйдя в двери, и побежала для объявления караульным на Уктусском въезде». Мария и привела караульных солдат.

Татьяне Мироновой не повезло: грабители избивали ее, притащили за волосы в комнату и потребовали зажечь огонь, «но так как у той печи не было лучины, и ей добыть было огня нечем, а они думали, что она не повинуюсь их воле, и так

начали ее бить, коим она тогда сказала, что у них другая печь, в которой де она им огонь достанет. И как она оной стала доставать, то те грабители, дабы она их не могла признать, при самой добыче огня закрыли сзади у нее зипуном глаза и спрашивали ее, где у них сундуки и деньги». Перепуганная Татьяна пролепетала, что у нее лично денег нет, где хранят деньги другие — она не знает, а «артельных» пожертвований в наличии всего 10 руб. Грабители, не желавшие поверить в крах авантюры, кинулись разбивать все сундуки, на всякий случай придержав и Татьяну, но в это время один из воров, прибежав с улицы, крикнул, «чтоб брали поскорее шапки и бежали», после чего грабители исчезли, а Татьяна, развязав глаза, обнаружила себя в кромешной тьме.

Остальные насельницы в это время прятались как могли. Слепая 53-летняя Фекла Орлова «от страху могла успеть скрыться в той богадельне за трубу, где до самого приходу караульных солдат просидела безо всякого истязания». Еще трое успели спрятаться в небольшом темном чулане, где вскоре к ним присоединилась Акулина Зубринская, которая в темноте сама налетела на грабителей, но они, «ударя ее по голове раза с три», поняли, что имеют дело с малолетней, и «брося ее на пол к стене и приказывали лежать, а как стали разбивать сундуки, то она в беспамятстве тихим образом уползла».

Мария Селиверстова быстро привела караульных с Уктусского въезда, но грабителей они не застали. Пристав 1-й части Чехонин провел дознание и освидетельствовал причиненный ущерб: «...из одного окна стеклянная окончина и с рамами вышибена, и той богадельни в разных чуланах у живущих богадельщиц разбито пять ящиков, и бывшей в них разной скарб разбросан по полу, но что унесено, те богадельщицы объявили, что об оном они знать еще не могут, по причине той, что некоторых сундуков хозяйки отлучились из богадельни к своим родственникам, и объяснить обстоятельно имеют в завтрашнее число»⁴⁴. На следующий день они уже смогли посчитать ущерб и указали, что грабители унесли «денег медными десять рублей да ассигнация в пять рублей», принадлежавшие «девице Катерине» (отсутствовавшей на момент ограбления), 4 руб. 60 коп. из денег также отсутствовавшей девицы Анны Коптеловой, «да общественных подаваемых от доброхотных дателей десять или более рублей», разбито 5 сундуков (не все поддались грабителям) и «более ничего не унесено»⁴⁵.

По скудному описанию примет Чехонин попытался найти воров. Подозрение пало на отставного мушкетера Ивана Пахтусова, который отрицал свое участие в грабеже. Доказать ничего не удалось, 14 февраля 1802 г. Екатеринбургский уездный суд постановил снять обвинения с мушкетера⁴⁶.

⁴⁴ Дело о нападении на кладбищенскую общину // ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 157. Л. 7.

⁴⁵ Протоколы Екатеринбургской градской полиции за 1802 год // Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 33–33 об.

⁴⁶ Дело о нападении... // Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 157. Л. 30 об. – 31.

Судя по данному делу, богадельщицы уже жили в доме, построенном при Успенской кладбищенской церкви «от общества для сирот и убогих женского пола», с 2 печами, несколькими комнатами, одна из которых — молельная. Дом с хозяйственными постройками (упоминаются чуланы, хлев, где находятся несколько коров) обнесен оградой. Скарб насельниц хранится в персональных сундуках, а кроме «общественных» денег есть и личные средства — у кого какие. Кстати, описание богаделенного дома, каким он предстает в деле 1801 г., сложно согласуется с другими данными, согласно которым каменный 2-этажный дом для богадельни градское общество начало строить в конце 1798 г., а к 1803 г. закончило только 1-й этаж и достраивало 2-й. Этот каменный дом Г-образной формы длиной 11 сажен и шириной 1-й этаж 7,5 и 2-й этаж 5 сажен состоял из 8 комнат (4 на 1-м и 4 на 2-м этажах). К нему были пристроены кирпичные «службы»: пекарня с кладовыми, погреб, чулан⁴⁷.

Во время этого ночного происшествия Татьяны Костроминой в богадельне не было — она отправилась в паломничество в Киев для поклонения святым мощам. Вероятно, целью Татьяны было не только поклонение святыням, но и поиск примера и благословения на создание монастыря.

Как писалось выше, в документах конца XVIII в. поселившихся на кладбище вдов и девиц именовали «сиротствующими». Когда и у кого возникла мысль преобразовать богадельню в женский монастырь, сказать сложно. Возможно, такую перспективу подсказал духовник насельниц прот. Николай Вологодский, возможно, эта мечта и раньше была у них.

Вероятно, еще до отправления в 1801 г. в Киев, Татьяна Костромина побывала в близлежащих монастырях, но найти там пример монашеской жизни в то время было невозможно. Монастыри Среднего Урала, как, впрочем, и в других регионах, переживали весьма непростой период своей истории.

Последствия екатерининской секуляризации проявились в полной мере. В регионе были уже закрыты все заштатные монастыри, а оставшиеся штатные мужские (Далматовский Успенский, Верхотурский Николаевский, Пермский Преображенский, Соликамский Истобенский Троицкий) не могли заполнить даже имевшиеся по штату места: в 1794–1795 гг. в них было только 14 монахов и 24 бельца. Получить разрешение на постриг в то время могли отставные военные и приходские священнослужители, но и те, и другие не слишком этого хотели в силу жизненных ситуаций. Принудить отставных военных к постригу возможности не было, а вот оказать давление на приходское духовенство (особенно вдовое, поскольку, согласно православной традиции, служить на приходе должны были женатые священники) епархиальные власти могли и вынуждены были это делать, дабы монастыри совсем не обезлюдели и не закрылись.

⁴⁷ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 73 об. – 77.

Впрочем, у этого принуждения была обратная сторона: оказавшиеся в обителях не по собственному желанию отнюдь не показывали образцов истинно иноческой жизни. Распространившиеся в монастырях необщежительные порядки еще более способствовали разладу в рядах братии⁴⁸. Женских же монастырей на Среднем Урале уже не было, хотя к 1795 г. еще жили 8 далматовских монахинь, официально причисленные в штат Енисейского монастыря⁴⁹. Каких-либо сведений о встречах Татьяны Костроминой и последних далматовских насельниц нет, возможно, Татьяна и не знала о них.

Из посещенных Татьяной во время паломничества в 1801–1802 гг. упоминаются только киевские святыни и Саровская пустынь. Конечно, были и другие обители на ее пути, но она не считала нужным впоследствии упоминать о них: видимо, как и уральские монастыри, они не стали для нее духовными ориентирами. А вот паломничество в Саровскую пустынь стало благословением екатеринбургским богадельщицам на создание монастыря⁵⁰.

Саровская Успенская мужская пустынь была одним из самых почитаемых монастырей России. В конце XVIII — начале XIX вв. в пустыни процветало старчество, и за духовными советами к наиболее умудренными монахам пустыни приходили тысячи паломников из всех концов России. Из замечательной плеяды саровских старцев наиболее почитаем был иером. Серафим (1759–1833). Наставником Татьяны в Сарове стал настоятель Исаия (1794–1806). Татьяна Костромина не оставила письменных воспоминаний о встрече с ним, но получила устав пустыни и благословение старца на создание обители⁵¹.

Татьяна Костромина никогда не упоминала о своих встречах с прп. Серафимом Саровским. Их и не могло быть: в 1801–1802 гг. он находился в самом строгом затворе в дальней пустыньке, не принимая посетителей⁵². Но почти-

⁴⁸ Подробнее о состоянии штатных монастырей Среднего Урала в конце XVIII в. см.: *Нечаева М. Ю.* Монашество Среднего Урала... С. 134–135, 139–145.

⁴⁹ Именные ведомости о монашествующих и бельцах Тобольского архиерейского дома и монастырей по Тобольской епархии и о требуемом для них жалованье за 1796 год // ГАТ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 2054. Л. 5 об. – 6, 9; П. О. Г. Перевод Пыскорского ставропигиального монастыря в губернский город Пермь // Пермские епархиальные ведомости. 1881. № 12 (отд. неоф.). С. 130–133; № 15 (отд. неоф.). С. 165–170.

⁵⁰ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 5 (отд. неоф.). С. 132; № 10 (отд. неоф.). С. 300; 1907. № 7 (отд. неоф.). С. 154; *Иконников В.* Историческое описание... С. 3; Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 2–2 об.

⁵¹ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 2–2 об.; Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 10 (отд. неоф.). С. 300; 1907. № 7 (отд. неоф.). С. 154.

⁵² *Поселянин Е.* Преподобный Серафим, Саровский чудотворец (с новыми сведениями о старце). М., 1991. С. 9–10; *Серафим (Чичагов), архим.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардаатовского уезда с жизнеописанием основателей ее: преподобного

тельные рассказы о нем и о других пустынножителях Сарова она, конечно, слышала от настоятеля Исаии, духовника Серафима. Известно, что именно Исаию прп. Серафим считал последним саровским старцем, который был духовно близок ему⁵³.

Вернувшись из богомолья, Татьяна в 1802 г. посетила Пермь и передала Саровский устав на утверждение еп. Иустину (с 1799 г. Екатеринбург входил в состав новообразованной Пермской епархии)⁵⁴. Этот устав и был введен в кладбищенской общине.

В отличие от существовавших тогда на Урале монастырей, в которых была лишь общая трапеза, а братия получала штатное жалование в зависимости от сана, Саровская пустынь была общежительной, все нужды ее насельников удовлетворялись из общей монастырской казны по мере надобности. Приняв в своей общине Саровский устав, екатеринбургские насельницы стали жить по нормам общежительного монастыря, более строгим, чем те, которых они придерживались прежде.

Поскольку службы в кладбищенской церкви шли нечасто (но их насельницы никогда не пропускали), они «в установленные по означенному Саровскому уставу часы в особенной богомолной келии по имеющимся священным книгам производят сами по себе богослужение, каковым своим подвигом заслуживают особенное внимание всего градского общества да и окрестных жителей»⁵⁵.

А нужен ли монастырь Екатеринбургу?

Едва вернувшись в Екатеринбург, Татьяна в январе 1802 г. отправила епископу Пермскому Иоанну от своего имени и от имени всех своих соратниц прошение об основании при кладбищенской церкви монастыря с копией Саровского уста-

Серафима Саровского и схимонахини Александры, урожд. А. С. Мельгуновой. Краснодар, 1991. С. 59–62.

⁵³ О строителе Исаие см.: *Серафим (Чичагов), архим.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря... С. 36–37, 59–62, 92–94, 317; *Авель (Ванюков), иером.* Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки, в ней подвизавшиеся. М., 1853. С. 100–106; Саровская общежительная пустынь. Подробное описание. М., 1908. С. 98–109.

⁵⁴ *Иконников В.* Историческое описание... С. 3. В «одобрении» горожан, данном Татьяне Костроминой в 1806 г. для учреждения монастыря, значит, что устав был прислан после рассмотрения его епископом в Екатеринбургское духовное правление, откуда возвращен в общину (Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 2). К сожалению, указ епископа Пермского Иустина относительно устава до сих пор среди архивных документов не обнаружен; возможно, имеется в виду ответ Пермской консистории насельницам общины на их прошение об учреждении монастыря, рекомендовавший обратиться с этим вопросом в Синод, а Саровский устав при этом был просто возвращен в общину без всякого одобрения.

⁵⁵ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 2 об.

ва и правил. Теперь в переписке она именовала себя уже «настоятельницей». Однако еп. Иоанн к тому времени скончался и ходатайство не было рассмотрено.

Как только на Пермскую кафедру был назначен новый епископ — Иустин, насельницы кладбищенской богадельни обратились к нему вновь с прошением об учреждении девичьего монастыря, напомнив и о давнем желании иметь постоянный причт при кладбищенской церкви «с приписанием к ней от других градских церквей прихода, дабы она церковь не могла быть без богослужения по неимению в ней, кроме случающихся по усопшим обеден, службы»⁵⁶.

Насельницы общины были несведущи в российском законодательстве и не знали, что к монастырским церквам приходские дворы не приписывают, причт таких церквей находится на монастырском содержании. Не ведали они и того, что решить вопрос об учреждении монастыря епископ не властен, о чем вскоре и получили официальное определение Пермской консистории, рекомендовавшее им обратиться в Синод. Консистория также напомнила, что по штату в Пермской епархии ни одного женского монастыря не предусмотрено⁵⁷: епархия была создана совсем недавно и в монастырские штаты 1764 г. никаких изменений при этом внесено не было.

Богадельщицы составили прошение в Синод, о чем Татьяна сообщила в Екатеринбургское духовное правление 1 июля 1802 г. Однако никаких сведений об отправке прошения не осталось ни в архиве Екатеринбургского духовного правления, ни в бумагах Синода⁵⁸.

Вероятно, кто-то из образованных екатеринбуржцев, сочувствующих желанию насельниц кладбищенской общины, проконсультировал их относительно сложившейся практики учреждения монастырей, и они поняли, что в прежнем виде прошение в Синод получит отказ. И прежде чем отправлять его, постарались заручиться дополнительными доводами в пользу своего стремления.

Рассчитывать на учреждение штатного монастыря им не приходилось — список обителей, получающих государственное содержание, редко пересматривался и новые монастыри попадали в него разве что взамен одного из штатных монастырей, по каким-то причинам упраздненного. Поскольку штаты были утверждены императорским указом, любые изменения в них также были в компетенции императорской власти.

Кладбищенские насельницы могли надеяться лишь на учреждение заштатного монастыря — находившегося на своем содержании. Хотя по указу 31 марта 1764 г. женские заштатные монастыри и не были предусмотрены, практика их существования все-таки была. Например, в Тобольской епархии в таком статусе

⁵⁶ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 5 (отд. неоф.). С. 133.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. № 5 (отд. неоф.). С. 133; № 7 (отд. неоф.). С. 193; Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255.

се был сохранен Тобольский Рождественский монастырь⁵⁹. Но для учреждения заштатного монастыря надо было доказать, что имеются достаточные средства для его содержания (не меньше, чем для штатного монастыря III класса), а также предъявить «одобрение» местного общества, подтверждающее его заинтересованность в устройстве обители и благонравие насельниц. Для живущих при кладбищенской церкви богадельщиц был и еще один нюанс: в каждом монастыре, а особенно в женском, должна была быть своя церковь, поскольку законодательство предписывало монахиням «не мешаться» в церкви с прихожанами во избежание лишних искушений. Успенская церковь была единственной в городе кладбищенской, и общение с мирянами в ней было неизбежно. Надо было изыскивать возможность обустройства отдельной монастырской церкви.

Для начала Татьяна Костромина заручилась рекомендательными письмами об учреждении монастыря от настоятеля Саровской пустыни Исаии и от Екатеринбургского градского общества. Эти рекомендации были представлены на рассмотрение епископа Пермского Иустина, поскольку официальный порядок требовал и его мнения на этот счет, без чего вопрос не мог быть рассмотрен в Синоде. Рекомендации были отправлены епископу в мае 1803 г. Еп. Иустин предписал Екатеринбургскому духовному правлению собрать более детальную информацию, а именно «отобрать согласие как от духовных, так и от дворян, купцов и мещан екатеринбургских, желают ли они иметь девичий монастырь в Екатеринбурге, и на чей кошт он будет строиться? Также и монахинь кто обяжется содержать, и какого поведения и звания ныне живущие в богадельне женщины и девицы, и нет ли из них замужних и беглых, и нет ли из них приверженных к старым обрядам, и сколько числом таковых ныне налицо находится, и какое число их впредь составлять будет для положения штата, да нынешнее место к устройению монастыря пристойно ли и выгодно ли?»⁶⁰.

Духовное правление 13 июня обратилось в Екатеринбургскую градскую полицию с просьбой собрать «письменные показания» екатеринбургских горожан и предоставить сведения о живущих в общине. 25 августа полиция прислала все подписки горожан в духовное правление, сообщив при этом и данные о 12 насельницах, которых уже именовали «монахинями» из уважения к их образу жизни, хотя иноческого сана они и не имели. Полиция сообщила, что среди них беглых, раскольниц и замужних не имеется⁶¹.

«Показания» горожан выражали взгляды местного общества на то, каким должен стать женский монастырь в Екатеринбурге.

⁵⁹ ПСПиР. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. СПб., 1910. Т. 1. № 264, 280; ПСЗ-1. Т. 17. № 12479. Монастырь просуществовал до 1788 г. (Тобольская епархия. Омск. 1892. Ч. 2. Отд. 2: Описание церквей и монастырей Тобольской епархии. Вып. 4. С. 8).

⁶⁰ Цит. по изд.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 7 (отд. неоф.). С. 193.

⁶¹ Там же. С. 194. Вероятно, Татьяна Костромина указала, что она вдова, хотя ее муж еще был жив.

Чиновники в своем отзыве отметили, что «монастырь иметь желаем, тем более что в Пермской губернии такового не имеется, который может послужить вечным прибежищем и покровом сиротствующим, а притом благолепие города тем может приумножиться».

Купцы и мещане положительно отзывались о возможности устройства монастыря на месте существования богадельни: «...ныне мы, признавая, со своей стороны, вышеписанное для пребывания таковых сиротствующих или монахинь место удобным, не предвидим надобности для того строить особый монастырь [т. е. устраивать монастырь на другом месте. — М. Н.]».

Мещане и купцы, так и «благородное общество» Екатеринбургa были единокорно относительно материального содержания монастыря: «...ныне жительствующие сиротствующие таковым от общества нашего на содержание их положением почитаются весьма довольными, к тому же некоторые еще из них уповают содержать себя и от собственного своего трудолюбия».

Екатеринбургское духовное правление 23 сентября 1803 г. вызвало городское духовенство и дополнило «показания» мирян подписками приходских священнослужителей:

«1) по согласию здешних дворян и по обязательствам купцов и мещан иметь девичий монастырь в сем городе желаем и мы, но с тем, ежели особливых в нем не будет священно-церковнослужителей и оный останется в таком же положении, как и ныне кладбищенская церковь, не отъемя у нас по усопшим ни панихид, ни литургии, от чего мы пропитание имеем;

2) если оный монастырь иногда и нашего звания сиротам и вдовам престарелых лет, не имеющих себе никакого пропитания, будет служить прибежищем;

3) место, избранное здешним обществом к устройению монастыря, хотя и отнимает в кладбищенской ограде часть земли, нужную для погребения усопших, но ежели более 20 человек никто не будет находиться, то уже и довольно для них строения, так что многие кельи остаться должны пустыми».

Нельзя не заметить, что городское духовенство уже видело в создании монастыря возможный ущерб своим материальным интересам. Тем не менее, о нравственных качествах «сиротствующих» они отзывались положительно: «Сии богоделицы, сколько мы могли приметить, поведения, кажется, хорошего». В своих «подписках» священники уточнили, что Татьяна Костромина, почитаемая «прочими богоделицами в виде настоятельницы», «имеет мужа».

В конце 1803 г. вся собранная документация была отправлена епископу Пермскому Иустину. Дело было рассмотрено им только в июне 1806 г. на основании собранных в консистории выписок из российского законодательства: «...женских общежительных монастырей ни в штатах 1764 г., ни в росписи 1797 г. о прибавке на духовные места жалованья, не значится, на содержание

же женского 3 класса монастыря ежегодно по штатам отпускается сумма более 800 руб. и к тому отведены еще угодья, рыбные ловли, мельницы, сенные покосы и пашенные земли.

А из показаний екатеринбургских граждан, яко то благородных, купцов и мещан, явствует, что на содержание назначаемых ими 12 монахинь полагается только из градской думы на каждую ежегодно по 10 руб., всего 120 руб., какого количества к содержанию помянутых 12 чел[овек] весьма недостаточно.

Таким же образом и на построение монастыря, и, по построении, на содержание оно и церкви никакой суммы не назначают, да и священнику с причтом, которые необходимо нужны, ничего не полагают же. Притом же и церковь особую для монастыря, кроме кладбищенской, построить ни желанья, ни обязательства не предъявили.

Следовательно, по сим обстоятельствам в удовлетворение благочестивого желанья екатеринбургских граждан о учреждении в г. Екатеринбурге женского монастыря представления в Св[ятейший] Синод учинить довольных причин нет. Для того в просьбах помянутым женщинам и девицам, равно и екатеринбургским гражданам, о дозволении построить общежительный женский монастырь отказать, для объявления чего им в Екатеринбургское духовное правление послать указ». Этот указ и объявили екатеринбуржцам в 20-х числах июля 1806 г.⁶²

Ответ огорчил, но не обескуражил сестер. Они верили в будущее своей обители. И добивались необходимых материальных оснований учреждения монастыря.

Их было уже 25 человек⁶³. Состав общины пополнялся в основном сестрами из семей крестьян и мастеровых, некоторые были родом из семей солдат и мещан. Поступали они в богадельню в самом разном возрасте — от 3-летних детей до 69-летних старушек. Появились в общине и родственницы самой Татьяны: в 1801 г. пришли 2 Костроминых — Матрена и Татьяна Александровы, вероятно, дочери мастерового Верх-Исетского завода. Матрене было 15 лет, Татьяне — 5⁶⁴. Появление в общине с 1800 г. малолеток натолкнуло Татьяну на мысль о необходимости обучения их грамоте: сама она писать не умела⁶⁵, но мечтала научиться грамоте и научить других.

⁶² Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 7 (отд. неоф.). С. 194–196.

⁶³ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 2–2 об., 32 об., 65–67.

⁶⁴ Там же. Л. 65 об.

⁶⁵ Все прошения Татьяны Костроминой писали другие лица, а она лишь неумело ставила свою подпись, и этому, надо полагать, научилась лишь в Петербурге: еще в марте 1807 г. за «неумением ее грамоте» документы подписывала другая насельница общины, а в июне 1808 г. она ставит подпись сама (Там же. Л. 1 об., 15 об., 17).

Из вновь пришедших в общину Татьяна Костромина особо выделяла двоих — Агафью Иудову (как тогда писали, Юдину) Котугину (Котухину), дочь сержанта из г. Соликамска, пришедшую в кладбищенскую общину в 1801 г. в возрасте 28 лет, и Параскеву Алексееву Исакову, вдову губернского секретаря из г. Туринска, появившуюся в общине в 1804 г. в возрасте 56 лет⁶⁶. Обе были грамотны и помогали ей вести деловую переписку.

Теряясь в догадках относительно долгого молчания епархиальных властей, богадельщицы, вероятно, обсуждали возможные причины заминки с более сведущими в законодательстве екатеринбуржцами. По крайней мере действия, которые предпринимала Татьяна Костромина еще до получения ответа из консистории, были направлены на устранение именно тех причин, по которым они и получили отказ.

В мае 1806 г. Татьяна подала прошение в Екатеринбургскую градскую думу о необходимости увеличения содержания богадельни в связи с ростом числа насельниц, а также для определения к кладбищенской церкви священника для регулярного богослужения.

К этому времени Татьяна уже заручилась добровольными подписками горожан в том, что они готовы внести единовременные пожертвования для составления «вкладку» необходимой для содержания священника и дьячка суммы. К маю 1806 г. имелись подписки на сумму 946 руб. Екатеринбургская градская дума своим постановлением от 28 мая 1806 г. соглашалась увеличить содержание общины с 120 руб. в год до 300, но непременным условием этого выставляла передачу заявленной суммы (946 руб.) в градскую казну, с обращением ее в общественный доход, и подписание официального приговора градского общества об увеличении содержания богадельне до 300 руб. в год постоянно. Однако сбор подписок затягивался, многие из прежде подписавшихся стали отказываться от своих намерений⁶⁷. Под «приговором» в ноябре 1806 г. подписались только 46 человек, согласившиеся сделать единовременные пожертвования в размере от 25 коп. до 25 руб., всего 222 руб. 25 коп. (вместо ранее заявленных 946 руб.). Лишь трое обещали выделять средства и впредь. Среди подписавшихся были военные, чиновники, купцы, мещане, служащие контор частных заводов, даже один крестьянин, но не было ни одного представителя екатеринбургского духовенства⁶⁸. Это объяснимо: приходское духовенство и раньше возражало против определения отдельного причта к кладбищенской церкви, не желая упускать доходы, поэтому хлопоты богадельщиц об изыскании средств на отдельного священника были встречены городским духовенством негативно.

⁶⁶ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... Л. 65, 66 об.

⁶⁷ Там же. Л. 56–71.

⁶⁸ Там же. Л. 41–46.

Официальное «одобрение» желанию создать в Екатеринбурге монастырь горожане в июле 1806 г. дали, отметив, что жизнь свою богадельщицы проводят в «неусыпных трудах» по чтению Псалтири по умершим и в рукоделиях. В общине было «довольство святых икон и священных книг, и даже самое их поведение согласует[ся] монашескому пребыванию. Недостает только того, чтоб от высшего правительства было благоволено утвердить сие место и именовать уже пустынножительною обителью; почему мы все, нижеподписавшиеся, свидетельствуя сим о их поведении и богоугодном житии, от всего сердца своего желаем и просим даже Всевышнего Творца, дабы он благоволил в сем нами обитаемом граде при церкви своєю Пречистыя Матери собравшихся уже оных вдов и сирот... по позволению Главного Правительства ныне утвердить их и укрепить на прославление Пресвятого своего имени во век века и на пользу всех нас, пожелавших здесь им поселиться, надеясь притом получить от богоугодной и спасительной их жизни и себе пользу и спасение»⁶⁹.

Удалось Татьяне продвинуться и в решении вопроса о монастырском храме. 27 декабря 1806 г. екатеринбургский купец 2 гильдии Семен Захарович Калашников передал ей прошение в Синод от своего имени и от имени купца 3 гильдии Якима Федоровича Мартынова, а также от мещанина Ивана Бронникова о разрешении им построить близ дома, в котором обитают богадельщицы, каменную церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского (небесного покровителя царствующего имп. Александра I) и о назначении в эту церковь священника с дьячком, содержать которых, якобы, градское общество уже обещается (хотя этот вопрос еще совсем не был решен). Своё намерение благотворители мотивировали тем, что «означенные вдовы и девицы препровождают жизнь наподобие монашеской по уставу Саровской общежительной пустыни и отправляют в молитвенной комнате славословие Божие, для слушания коего стекается к ним из жителей немалое количество народа, так что иногда в означенной комнате бывает и неместительно»⁷⁰.

Получив эти документы, Татьяна Костромина в конце 1806 г. собралась в столицу лично добиваться учреждения монастыря. Видимо, к такому решению насельниц подтолкнул предыдущий, весьма затянувшийся по времени, опыт подачи прошения через Пермскую консисторию. Возможно, с пребыванием в столице Татьяна связывала и планы изыскания дополнительных пожертвований, поскольку Екатеринбургское градское общество явно не готово было выделять общине необходимую для учреждения монастыря сумму.

⁶⁹ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... Л. 2 об. – 3.

⁷⁰ Там же. Л. 4.

Преодолевая административные преграды

Перед отъездом Татьяна Костромина заручилась согласием прот. Николая Вологодского духовно опекать общину и помогать в управлении насельнице Параскеве Исаковой, которая оставалась старшей — попечительницей в общине⁷¹. Агафью Котугину Татьяна взяла с собой в Петербург. Отъезд состоялся, вероятно, в январе — феврале 1807 г. В марте Татьяна Костромина и Агафья Котугина уже находились в столице⁷².

В столице екатеринбурженки довольно быстро нашли высоких покровителей. Известно, что уже к началу апреля 1807 г. (а возможно, и раньше) они жили в доме флотоводца Федора Федоровича Ушакова, который при жизни снискал себе славу не только победителя турок, но и человека благочестивого, не жалевшего усердия и средств для благоустройства церквей (в 2000 г. он причислен Русской Православной Церковью к лику святых).

Адмирал Ушаков 4 июля 1807 г. получил отставку, которой добивался несколько месяцев. Он собирался уехать в свое имение Алексеевка Темниковского уезда Тамбовской губернии, но задержался до мая 1810 г. в столице, оформляя документы на наследование своего имущества племянникам. Он скромно, по-холостяцки, проживал в собственном доме, расположенном в 4-й части Измайловского полка, впрочем, из уважения к заслугам, отставного адмирала по-прежнему приглашали на приемы в Зимнем дворце⁷³.

«Сия госпожа Костромина живет в его доме, столом и всем отечески не оставляема», — информировал епископа Пермского Иустина статский советник из Екатеринбурга Александр Раздеришин, оказавшийся в столице одновременно с Татьяной Костроминой и старавшийся способствовать учреждению монастыря⁷⁴. Возможно, под опекой известного флотоводца и было составлено прошение насельниц екатеринбургской кладбищенской общины, поданное Татьяной в Синод в марте 1807 г., вскоре по приезде в столицу. Прошение «сочинял и писал коллежский регистратор Лев Неклюдов; вместо помянутой Татьяны Андреевой дочери Костроминой, за неумением ее грамоте, послушница вышеозначенной общины Агафья Юдина Котугина руку приложила»⁷⁵.

⁷¹ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 43–44, 236–239.

⁷² Там же. Л. 1 об.

⁷³ Шторм Г. Страницы морской славы. М., 1954. С. 403; Скрицкий Н. В. Самые знаменитые флотоводцы России. М., 2000. С. 218–219; Сацкий А. Г. Федор Федорович Ушаков // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 76; Овчинников В. Д. Святой адмирал Ушаков (1745–1817). Историческое повествование о земном пути святого праведного воина. М., 2003. С. 350.

⁷⁴ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 5 (отд. неоф.). С. 99–100.

⁷⁵ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 1 об.

Сестры просили «утвердить помянутое общежительство по образцу других общежительных монастырей; а буде не последует на сие Высочайшего решения, то не благоугодно ли будет Святейшему Синоду повелеть воздвигнуть церковь во имя Святого Александра Невского. И при которой по мере избытков, выручаемых с рукоделий наших и приносимых доброхотными дателями, во исполнение дел милосердия устроится призрение бедным и немощным, привозимым из города и окрестностей онога, за коими будет иметься хождение и попечение собственно тутошними послушницами (что и ныне исполняется на прославление имя Божия). И дабы увековечить сие, общество снабдить на сие построение разрешением, повелев определить к оной священника с причтом»⁷⁶.

Учитывая, какие именно доводы могут склонить высшие власти удовлетворить прошение, Татьяна не преминула сообщить о согласии екатеринбургских купцов построить указанную церковь на свой счет и о согласии градского общества выделять общине 300 руб. ежегодно на содержание причта и сестер (хотя этот вопрос в то время еще не был решен).

Как свидетельствует текст прошения, екатеринбургские насельницы не были уверены в том, что Его императорское величество согласится на учреждение монастыря, посему указывали в прошении и альтернативный, более скромный вариант: разрешить строительство церкви и содержание богадельни при ней.

Татьяна предпринимала все усилия, чтобы добиться поддержки влиятельных при дворе лиц. 10 апреля того же года чиновник Раздеришин сообщил, например, епископу Пермскому: «Вдова Костромина, посвятившая себя церкви и с подобными ей сестрами... приобрела здесь (Петербурге) довольноное внимание Святейшего Синода, господ членов и обер-прокурора. Особенно же к ней благоволят Высокопреосвященнейший митрополит [митрополит Новгородский Амвросий (Подобедов). — М. Н.] и Преосвященные — Мефодий, Ириней и прочие... Генералы Лебзин [Лабзин. — М. Н.], и Петр Иванович Русановский, член попечительного комитета⁷⁷, и прочие многие во благонамерении ей способствуют. Словом, она приобрела по благочестию ее уважение, и все ее знакомые желают скорейшего успеха»⁷⁸.

Перечисленные имена были весьма известны в столичных кругах. Обер-прокурором Синода с 1803 по 1817 г. был князь Александр Николаевич Голицын (1773–1844), друг детских лет имп. Александра I и его ближайший сподвижник. С 1810 г. он стал и главноуправляющим иностранными испо-

⁷⁶ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 1 об.

⁷⁷ Вероятно, имеется в виду Попечительный комитет о тюрьмах.

⁷⁸ Цит. по изд.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 5 (отд. неоф.). С. 100–101.

веданиями, и членом Государственного совета. После пожара Москвы 1812 г. стал склоняться к мистицизму, покровительствовал А. Ф. Лабзину⁷⁹.

Митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский Амвросий (в миру Андрей Подобедов, 1742–1818) был первенствующим членом Синода. Петербургскую епархию он возглавлял с 1799 г., много сил отдавал развитию духовного образования в России, славился своей благотворительностью⁸⁰.

Преосвященный Мефодий (в миру Михаил Алексеевич Смирнов, 1761–1815) был членом Синода и архиепископом Тверским (1803–1814). Он написал ряд богословских и церковно-исторических сочинений, был хорошим организатором духовных учебных заведений⁸¹.

Преосвященный Ириней (в миру Иоанн Андреевич Клементьевский, 1753–1818) тоже был членом Синода и архиепископом Псковским, Лифляндским и Курляндским (1798–1814), состоял членом Российской академии, занимался литературной деятельностью, сделал много переводов Отцов Церкви с греческого языка, славился как хороший проповедник⁸².

Генерал Александр Федорович Лабзин (1766–1825) был масоном и очень популярным проповедником мистицизма, к которому он обратился, желая усилить влияние Церкви, поскольку принятые в то время формы проповеди считал чрезмерно сухими и потому малодейственными. Лабзин стал издателем журнала «Сионский вестник», выходившего ежемесячно в 1806, 1817–1818 гг. Генерал слыл личным другом обер-прокурора Синода князя А. Н. Голицына, был членом Академии художеств, занимался переводами и естественными науками⁸³.

6 апреля 1807 г. Святейший Синод рассмотрел прошение екатеринбургских насельниц и, следуя официальному порядку, запросил от епископа Пермского Иустина подтверждение желания Екатеринбургского градского общества иметь женский монастырь и выделять средства на его содержание, а также согласия купцов на строительство своим коштом церкви. Синод интересовался мнением самого епископа и местного общества о необходимости постройки новой церкви. В Перми синодальный указ был получен 27 апреля⁸⁴.

⁷⁹ Шиман Ф. Ф. Император Александр Павлович и его двор в 1804 г. // Русская старина. 1880. Т. 29. С. 802; О судьбе Православной Церкви Русской в царствование императора Александра I-го. (Из записок А. С. Стурдзы) // Русская старина. 1876. Т. 15. С. 267–288.

⁸⁰ Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993. Ч. 2. С. 1411–1412.

⁸¹ Там же. С. 1414.

⁸² Там же. С. 1410.

⁸³ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 7 (отд. неоф.). С. 153–154.

⁸⁴ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88.

Для побуждения епархиальных властей к более оперативному и благожелательному ответу на запрос Синода Александр Раздеришин 10 апреля отправил еп. Иринеею свое письмо, в котором, недвусмысленно указав на высоких покровителей в столичных кругах, пытался показать, сколь глубоко екатеринбургские насельницы чтят мнение епархиального архиерея: «...но всего одного усовершенствование предоставлено и зависит от воли и благоволения Вашего Преосвященства. Да соблаговолит Господь Бог, а Ваше Архипастырство благословит соорудить святое дело и устроить там обитель к распространению веры и спасения. И сие-то останется вечностью и будет славною эпохою пастования Вашего в стране великопермской»⁸⁵.

Адмирал Федор Ушаков 11 апреля тоже отправил письмо пермскому архиерею в поддержку екатеринбургских насельниц: «Всепокорнейше прошу Ваше Преосвященство оказать милость, благоволение и покровительство благословением Вашим на просьбу вдовы Костроминой и сестер, посвятивших себя служению Богу. Правительствующий Синод о сем относится на Ваше рассмотрение, и за верное полагаю: что Вашим Преосвященством предположено будет, то с помощью Божией непременно выполнится... Единая воля и благословение Ваше устроит и свершит богоугодное сие предприятие»⁸⁶.

Во исполнение предписания Синода указами Пермской консистории была запрошена необходимая информация от Пермского губернского правления и от Екатеринбургского духовного правления. Однако эти инстанции прислали ответы только к сентябрю.

Пермское губернское правление лишь подтвердило информацию о решении Екатеринбургского градского общества от ноября 1806 г. и сообщило, что, несмотря на усилия полиции, дополнить список благотворителей не удалось. Причину Татьяна усматривала в том, что среди жителей Екатеринбурга было много старообрядцев и они-то и не согласились на учреждение монастыря⁸⁷.

Идея устройства монастыря в Екатеринбурге постепенно получала все больше сторонников. 24 октября 1807 г. Екатеринбургская градская дума, с согласия купеческого и мещанского общества, подтвердила новым приговором решение выплачивать кладбищенской богадельне по 300 руб. в год «из общественных доходов», поступающих в думу. 48 чиновников Екатеринбурга подписались в своей согласии иметь монастырь с отдельным храмом и «приклад чинить по столько в год, сколько время и обстоятельства позволят», хотя и не назвали определенной

Д. 255. Л. 26–26 об., 33–34; Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 10 (отд. неоф.). С. 299.

⁸⁵ Цит. по изд.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 5 (отд. неоф.). С. 101.

⁸⁶ Там же. С. 100.

⁸⁷ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 41–46.

суммы. 32 мастеровых екатеринбургских заводов были согласны ежегодно выделять на содержание общины и причта от 10 до 50 коп. каждый⁸⁸.

Екатеринбургское духовное правление представило копии всех требуемых документов⁸⁹.

Татьяна и Агафья в Петербурге с нетерпением ожидали ответа епископа Пермского, но шли месяцы, а его не было. Спустя полгода, в октябре 1807 г. Татьяна решилась поторопить владыку, напомнив и о своих покровителях: «Простите, Господа ради, великодушно дерзости моей! Нерешимость начатого дела принудила меня беспокоить Ваше Преосвященство начертанием сим.

Однако, сколько бы ни тяготила меня неизвестность, но никак бы я не могла решиться, если бы не была убеждена участвующими в оном [деле] благодетелями моими, желающими нетерпеливо узнать, есть ли какая-нибудь надежда на обещавших там в Екатеринбурге благодетелей наших положить основание предназначенному нашему делу. И [так] как сие более всех зависит от Вашего Преосвященства и [Вашего] милостивого к нам, убогим, благоволения, — Вы можете сему помочь!

Святейший Синод Вам препоручил исследовать, будет ли возможно или нет, чтобы могла существовать какая-нибудь киновия, составленная из престарелых? Старицы к славословию Бога в тишине посвятят хотя [бы] последние дни свои на служение Богу.

Мы, прежде уже столько лет живши, всем были довольны, также и впредь уверены были вернейшими доказательствами, которые и Вам небезызвестны. А затем, в продолжение уже толико немалого времени исследования, Вам еще и более известно, будет ли какая-нибудь возможность к исполнению предприятия нашего, и не тщетно ли будет усердие благотворителей наших?

Смиренно просим Вас, Владыку святой, милостиво призреть на прошение наше и уведомить хотя благодетеля нашего Его Высокопревосходительство Феодора Феодоровича Ушакова. Он, кажется, и сам прежде писал к Вам о сем, чрез которого и мы можем, убогие, узнать о сем же, за что не престанем молить благодать Пастыреначальника нашего Бога о здравии и благоденствии Вашем...

Всенижайшая раба и должная богомолица, убогая старица Татьяна Костромина с сестрами⁹⁰.

Однако напоминание не ускорило ответ из Перми, только через 4 месяца, 5 марта 1808 г., Преосвященный Иустин отправил письмо Ф. Ушакову, в котором сообщил о ходе дела. После указа Синода о предоставлении этой информации уже прошло 11 месяцев.

⁸⁸ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 55–56 об.

⁸⁹ Там же. Л. 34–35.

⁹⁰ Цит. по изд.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 7 (отд. неоф.). С. 157–158.

Татьяна и ее столичные покровители поняли, что рассчитывать на достаточное содержание от Екатеринбургского градского общества не стоит, и надо добиваться учреждения монастыря собственными силами.

«Настоятельница» Татьяна (так ее уже давно называли насельницы общины) обратилась к первоприсутствующему члену Синода митр. Амвросию с просьбой благословить ее на сбор пожертвований в пользу учреждения монастыря и выдать для этого, как положено, сборную книгу «за шнуром и печатью». Митрополит получил также ходатайства от «благорасположенных особ означенной сиротствующей вдове». Владыка благословил Татьяну на сбор средств, который происходил весьма активно: уже к июню 1808 г. Татьяна и Агафья получили в Петербурге более 2 000 руб. пожертвований, из которых 964 руб. Т. Костромина, по совету своих покровителей, отправила в Екатеринбургскую градскую думу в возмещение тех средств, которых не хватало, чтобы увеличить содержание общины до 300 руб.⁹¹ Получалось, что дума будет выплачивать содержание насельницам кладбищенской общины из средств, в значительной степени ими же и собранных. Но зато существенное препятствие в деле учреждения монастыря было преодолено.

В начале июня 1808 г. Татьяна снова подает прошение на имя императора с просьбой учредить монастырь (теперь уже не упоминая минимальный вариант — согласие на назначение причта в церковь). За год пребывания в столице Татьяна даже обучилась азам грамоты и смогла подписать это прошение сама. Прощение было проникнуто верой в то, что обитель сможет обеспечить свое будущее: «Что же касается до содержания нашего общества, в том ни малейшего не настоят сомнения; ибо уже всеблагое и всеильное провидение довольно ознаменовало оное: что мы протекшие годы и не в малом количестве живущие не токмо всем в пропитании были довольны; но и достаточное строение, стоящее немаловажной суммы, собственными нашими трудами и доброхотствующими гражданами устроено. Что глубоко запечатлев в сердцах наших, по конец жизни поставляем нашим долгом благодарить незабвенно всемогущего Отца Небесного, и впредь, на него ж со вседушным надеянием, продолжать воспринятой нами долг жить по образу пустынножительства, веря несомненно, что хлеб насущный всегда нам подастся по благодати Всевышнего».

Богадельщицы просили переименовать их «общество» в Александро-Ново-Тихвинскую девичью общежительную пустынь, определить число монахинь в ней, и разрешить возвести рядом с кладбищем новую церковь на средства желающих построить ее купцов, «где и будут градские священники при новой церкви отпевать и поблизости погребать усопших. Наипаче же построение особой церкви необходимо и потому, что во время похорон, а особли-

⁹¹ Цит. по изд.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 7 (отд. неоф.). С. 159.

во в зимнее время, невместимо не токмо нам, живущим, но и приходящим за утеснением теплого придела».

И, конечно, Татьяна не преминула сообщить, что 964 руб. уже отправлены ею по почте в Екатеринбургскую градскую думу.

В прошении Татьяна пыталась закрепить и некоторые уставные нормы общины. Так, например, она желала, чтобы попечители общины и духовники утверждались только с согласия настоятельницы. Сестры просили утвердить духовником прот. Николая Вологодского, который, как они отмечали, «во все время нашего там пребывания не оставлял [нас] по своему благочестию и много способствовал устройению общины нашей»⁹².

6 июня из Петербурга на имя епископа Пермского Иустина были отправлены еще 2 письма. Одно из них было написано адмиралом Ф. Ушаковым: «Почтеннейшее отношение ко мне Вашего Преосвященства с отличным удовольствием я имел честь получить... Душеспасительное намерение и расположение жительствовавших под высоким Вашим пастырством в Екатеринбурге сиротствующих вдов и девиц и милостивое Ваше к ним благоволение подают смелость просить об них милостивого Вашего снисхождения и решимости о их просьбе...

Впрочем, вера, надежда и упование на Творца и Создателя, несомненно, довершат и устроят все потребное без недостатка.

Вы только, милостивейший Архипастырь, вспомоществуя, не оставьте сих убогих сирот Вашим милостивым призрением и покровительством во благом их намерении по их прошению милостивою Вашею незамедлительною решимостью и донесением Вашим о надлежащих справках в Святейший Синод. Ибо во оном решимость не может последовать, не получа оных от Вас, и оне только от Вашего благоволения ожидаются. Единая воля Ваша и Ваше о сих бедных сиротах милостивое благоволение все могут окончить решительно.

Я, повторяя о сем всепокорнейшее Вам мое прошение, [остаюсь] с глубочайшим высокопочитанием навсегда.

Феодор Ушаков»⁹³.

2-е письмо было подписано Татьяной Костроминой. Она доводила до сведения Преосвященного предоставление ею необходимых средств в Екатеринбургскую думу и пыталась побудить его к скорейшему рассмотрению вопроса о назначении причта к новой церкви (без чего и дума не стала бы выплачивать дополнительную сумму общине, поскольку часть ее предназначалась священнику и причетнику): «...по благодати Бога пользуемся (в Екатеринбурге) всеми потребностями от трудов наших приобретаемыми и подаянием от до-

⁹² Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 15.

⁹³ Письмо адмирала Федора Ушакова обер-прокурору Синода от 6 февраля 1809 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924. Л. 14–15.

брохотных подателей... Только ко всеобщему нашему сожалению лишаемся мы главного желаемого нами предмета к душеспасительной пользе потребного — слушания божественной литургии и богослужения, по неимению при оной кладбищенской церкви особого священника. Посему нет при ней не только ежедневного служения и молитвы, даже и в двенадцатые праздники нет никакого служения, кроме что молитвы наши, приносимые к Богу чтением и службою, какую можем производить.

В нашем жилище часто собираются к нам на молитву и из сограждан немалым числом людей, но покои, где приносим молитвы наши, к сему невместительны и неудобны; градские же церкви от нас удалены. Случайно даже [т. е. «Бывает даже и так, что...». — М. Н.] и больные из нас и из принимаемых нами беднейших больных и скорбных, за каковыми имеем мы от трудов наших собственный наш приход и услугу, трафляются нечаянно умирающими, так что мы не успе[ва]ем по отдаленности от нас призвать священника, без потребы по христианской должности, непременно надобной»⁹⁴. Однако письма остались без ответа.

Спустя 3 месяца с лишним состоялся указ Синода от 19 сентября 1808 г., которым епископу Пермскому повелевалось вновь собрать сведения о существующей в Екатеринбурге общине и высказать свое мнение о целесообразности создания монастыря⁹⁵.

Татьяна в Петербурге не упускала ни единого способа ускорить дело. Так, на несла визит (уже не первый) генералу-губернатору Пермскому и Вятскому Карлу Федоровичу Модераху, находившемуся в столице, и просила его походатайствовать пред епископом Пермским об ускорении присылки сведений в Синод, а также властью генерал-губернатора воздействовать на находящееся в его ведении Пермское губернское правление, которое должно было собрать сведения о «богадельницах». Модерах 22 сентября отправил письмо епископу и распоряжения губернскому правлению. Как человек сведущий в управлении, он упомянул в письме епископу немаловажный довод к ускорению дела: «На удовлетворение же просьбы означенной Костроминой, как мне Преосвященный митрополит [митрополит Новгородский Амвросий. — М. Н.] отозвался, он согласен»⁹⁶.

Но провинциальное делопроизводства оставалось неспешным. Еп. Иустин 6 октября запросил от Пермского губернского правления сведения о насельниках общины. Ответ был получен 20 ноября, после чего консистория заинтересовалась подробностями семейного положения Татьяны Костроминой — единственной «женки» среди вдов и девиц богадельни (согласно законодательству, состоящие в браке могли принять постриг только по вдовству или по взаим-

⁹⁴ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 7 (отд. неоф.). С. 159–160.

⁹⁵ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 57 об., 61–63 об.

⁹⁶ Цит. по изд.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 11 (отд. неоф.). С. 247.

ному согласию супругов уйти одновременно в монастыри). Эти подробности местные гражданские и церковные власти выясняли вплоть до 10 мая 1810 г.⁹⁷

Реестр «богадельщиц» от ноября 1808 г.⁹⁸ — уникальный исторический источник. В сущности, это первый документ, из которого историки узнают не только о составе общины на тот момент, но и о динамике ее пополнения с 1796 г., а главное, именно он дает те скудные биографические данные о первых насельницах, которые наполняют историю чисто человеческим содержанием.

По данным на 14 ноября 1808 г. в обители проживало 33 послушницы, из них 7 вдов и 26 девиц. Большинство (25 человек) были из Екатеринбургского уезда, по социальному происхождению преобладали выходцы из крестьян (15) и горнорабочих семей (10), но были и дворянки (4), солдатки (3), мещанки (1). Надо полагать, неслучайно среди всех жителей Екатеринбурга именно мастеровые изъявляли в 1808 г. согласие выделять на содержание монастыря средства не единовременно, а ежегодно — они считали обитель «своей», видели пользу от нее.

Старшей по возрасту была 80-летняя соликамская вдова Авдотья Ивановна Шарыгина, жившая в общине уже 10 лет. Самой молодой — мещанская девочка из Екатеринбурга Агриппина Поторочина, которой было 6 лет, из которых 3 года она уже жила в богадельне. Средний же возраст насельниц составлял 36 лет. Приходили вдовы и девицы в общину в самом разном возрасте — от 3 до 70 лет, в среднем — в 29 лет. К 1808 г. состав насельниц был уже достаточно устойчивым — в среднем они прожили при Успенской церкви 7 лет.

В столице же Татьяна Костромина продолжала изыскивать средства и связи для решения вопроса об учреждении монастыря. Например, 4 октября 1808 г. посетила жившего в Петербурге заводчика Алексея Яковлева, владевшего заводом в Екатеринбурге, и подала ему прошение:

«Милостивый Государь Алексей Иванович!

Мы, сиротствующие вдовы и девицы в числе 30 с малолетними сиротами, несколько уже лет жительствуем в г. Екатеринбурге при загородной Успенской церкви в выстроенной от доброхотного подаяния и нашими трудами каменном отделении, где службу Божию совершаем мы по данному нам от пустыни Саровской уставу, отправляя притом дела милосердия, призирая больных, увечных, привозимых из города и окрестностей, за что по единой власти Господа нашего Иисуса Христа, а не по заслугам нашим, нося на себе благословение Божие и одобрение екатеринбургских и окрестных жителей, вознамарились приехать сюда и просить Святейший Синод о позволении устроить на веки прочное пустынножительство.

⁹⁷ Цит. по изд.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 11 (отд. неоф.). С. 248–249.

⁹⁸ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 64 об. – 68.

Верховное сие правительство, снизойдя на нашу просьбу, приняв, отправило оную к Пермскому Преосвященному для соображений на месте должного во всем устройства. Между тем получили мы от здешнего митрополита Владыки Новгородского сборную книгу, в коей и цель нашего искания означена, которую поднося и Вам, Милостивейший Отец, просим высокого Вашего покровительства и помощи, так как отцы и братья наши были и теперь суть Ваши подчиненные и работники верные, как-то отец мой служил 40 лет мастером заводским.

Побуждаемы единою надеждою на великодушие Ваше, осмеливаемся утруждать, не соблаговолите ли от щедрот своих повелеть с завода Вашего отпустить в новосозидаемую обитель нашу на покровение храма Господня 100 пуд железа да 100 пуд. на решетки и связи.

Если высокая ваша милость будет до нас бедных сиротствующих, не благоволите ли также предписать Верх-Исетской конторе отпускать ежегодно милостыню, что Бог по сердцу Вашему положит, понеже монастырь наш будет заштатный своекоштный, подкрепляемый христолюбивыми дателями.

В ожидании милостивого Вашего пособия остаемся по гроб наш Вашего Высокоблагородия смиренные богомолицы настоятельница с сестрами Татьяна Костромина, послушница Агафия Котугина».

Заводчик обещался исполнить просьбу, когда начнется строительство церкви⁹⁹.

Прошло более 4 месяцев со времени издания 2-го указа Синода о предоставлении мнения и справок епископом Пермским, а ответ от него так и не был получен.

6 февраля 1809 г. адмирал Ф. Ушаков написал рекомендательное письмо для Т. Костроминой к обер-прокурору Синода князю Александру Николаевичу Голицыну, в котором напоминал все обстоятельства дела и то, что обер-прокурор уже был знаком с екатеринбургской просительницей ранее: «Ваше Сиятельство обещались быть помощником и ходатаем бедных сиротствующих вдов и девиц». Далее Ф. Ушаков указал, что от епископа Пермского требуется присылка доклада — не более как формальность: «...по мнению моему, кажется, для одного только должного обряда», поскольку все необходимые основания для учреждения монастыря имеются. Действия епископа Пермского адмирал охарактеризовал как «нерешительное рассмотрение», напомнив, что оно длится уже более 2 лет, и причины его усматривал в «пристрастных убеждениях», внушенных секретарям Пермской консистории некими «корыстолюбивыми людьми», которые, исчерпав «правильные причины» отказа богадельницам в их стремлении, обратились к бюрократическим проволочкам как к последнему средству. «Без оных в столь продолжительное время можно бы Преос-

⁹⁹ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 14 (отд. неоф.). С. 473–474.

вященному подобных дел решить множество», — отмечал адмирал, — и, поскольку «к уважению Преосвященного Иустина все должное сделано; но когда от него нет никакой решимости, продолжается дело одним замедлением (буде бы были справедливые причины в препятствии, давно бы они уже открылись), вступитесь, милостивый государь, Вы покровительством и ходатайством Вашим решить просьбу сиротствующих в Святейшем Правительствующем Синоде решительно, если возможно, не ожидая более никаких уведомлений»¹⁰⁰.

Ходатайство оказалось бесполезно: 20 марта 1809 г. епископ Пермский получил из Синода очередной указ с требованием ускорить присылку сведений относительно учреждения монастыря в Екатеринбурге¹⁰¹.

Не рассчитывая на успех и этого указа, Федор Ушаков 12 апреля 1809 г. решил ходатайствовать пред членами Синода об ускорении дела, уже более открыто высказывая свое мнение о виновниках промедления: «Требуемые Правительствующим Синодом на все подробности справки к Преосвященному Пермскому епископу Иустину ото всех мест, отколь что следовало, все давно уже доставлены, и, по всей видимости, к донесению его в Правительствующий Синод препятствия никакого нет, но удерживаются единственно (как о том уведомляют [вероятно, попечительницы богадельни Исакова и духовник Николай Вологодский. — М. Н.] чрез происки и просьбу екатеринбургских протопopa Карпинскаго и священника Антона Брызгалова (которые и от присутствия в Екатеринбургской консистории отставлены). Но они все домогаются, чтобы не допустить устройства обители сиротствующих и чтобы не был определенный там особый священник, единственно из собственного их корыстолюбия и доходу их от кладбищенской церкви, не соображая того, что она кладбищенская церковь всегда оставлена [бывает] без службы божественной литургии, даже и во все праздничные дни никакого священника в ней не бывает, и службы в ней не производится, кроме тогда только, когда бывают они при погребении усопших, — в том только доход их и состоит, и от поминовения покойников, на которые зовут их обыватели города Екатеринбурга за платимые им деньги.

Невзирая на то, что все градское общество просят и непременно желают там, при церкви, иметь особого священника, и сумму на то определяют; не внемлют и смертного греха, от того на себя навлекающего[ся], что сиротствующие вдовы и девицы от усердия своего к богоугодным подвигам по своей воле принимают к себе на содержание бедных неимущих больных и увечных, за коими они имеют призор, и их пользуют своим коштом, и за ними хождение имеют, и что из таковых случайно некоторые, исстаяв в болезнях, умирают без

¹⁰⁰ Письмо адмирала Федора Ушакова обер-прокурору Синода от 6 февраля 1809 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924. Л. 14–15.

¹⁰¹ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // Там же. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 70 об. – 72.

исповеди и приобщения святых божественных тайн, потому что место от города отдаленно: пока сии сиротствующие ходят и проискивают при отговорках прочих свободного священника, во время сего продолжения отчаянно больные прежде приходу священника умирают без потребы, — корыстолюбцы, не внемля страха и суда Божия за их упущения, сияются всевозможно во отвращение благотворящей обители во устройении ея и о определении по сим необходимым надобностям особого священника, происками своими положить препону.

Вот настоящие причины, отчего по сие время от Преосвященного Иустина нет настоящего донесения на указы Правительствующего Синода. И во отвлечение сего на продолжение времени или и на всегдашнее время ныне прислано от Преосвященного донесение, что он требовал и не получил еще справки о том, что муж просительницы Татьяны Костроминой в живых ли ныне находится. Таковая справка не может никогда быть получена, ибо муж оной сиротствующей более уже 20 лет прошло тому [назад], когда он отдан в рекруты из государственных мастеровых; она об нем более 10 лет никакого сведения не имеет и в живых его не считает, и притом никакого пропитания не имеет, кроме того, что при той обители, где они ныне находятся, пропитываются общими трудами и охотным подаянием христолюбивых людей (из того и бедных принимаемых ими больных и увечных пользуют и содержат в своем призрении); и она непоколебимо желает последние дни жизни своей быть в таковой общей обители»¹⁰².

В мае Татьяна Костромина подала еще одно прошение в Синод об ускорении рассмотрения дела, предоставив последние документы, отсутствие которых могло повлиять на ход дела: сведения из Военной коллегии о кончине мужа, план и чертеж предполагаемой церкви. Закончила она свое прошение словами, свидетельствующими о том, что и в столице основным побуждением ее оставалась жизнь монашеская: «...желание мое состоит единственно в подвигах о душевном спасении и быть в оной общине нашей неотдельно, следовательно, в нарушение заповеди Спасителя нашего ничто отвлекать меня не должно. Более двух лет уже прошло, что требуемых Святейшим Синодом справок в присылке нет... и я, бедная, отделяясь от общины нашей, проживаю в С.-Петербурге, и душевно стражду о долговременном отсутствии и удалении моего желания»¹⁰³.

19 августа 1809 г. епископ Пермский Иустин послал столь долгожданный доклад в Синод, где он был получен 5 сентября (через 11 месяцев после получения в Перми 2-го предписания из Синода!). Указав, что и градское общество Екатеринбургга, и горный начальник Екатеринбургских заводов, и генерал-губернатор согласны на учреждение монастыря, описав все источники содержания общины и наличие необходимых справок, Преосвященный Иустин

¹⁰² Письмо адмирала Федора Ушакова в Синод от 12 апреля 1809 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924. Л. 17–18 об.

¹⁰³ Пршение Татьяны Костроминой в Синод // Там же. Л. 16–16 об., 19.

высказал и собственное мнение: «...учреждение таковой обители признает необходимо нужным, понеже в Пермской епархии ни штатного, ни заштатного женского монастыря ни одного не имеется, а потому и принимать в монашество желающих, каковые бывали и ныне есть, некуда»¹⁰⁴. Организационные моменты учреждения обители — сколько должно быть монахинь, кто станет настоятельницей — епископ оставлял на усмотрение Синода.

Кладбищенская пустынь или монастырь в центре города

В процессе подготовки необходимых свидетельств для официального учреждения монастыря в Екатеринбурге много времени ушло и на решение вопроса о том, где и на какие средства будет строиться монастырский храм. Согласно действовавшему законодательству (эта норма была сформулирована еще в Прибавлении к Духовному регламенту 1722 г.) монахини в церкви не должны были находиться среди мирян, для них даже входы в церковь должны были быть разными, поэтому просто остаться при Успенской кладбищенской церкви екатеринбургские насельницы не могли: либо храм должен был стать монастырским с постоянным причтом, а на кладбище появиться другой, либо для монахинь должен был быть построен другой храм, где бы церковные службы велись ежедневно. И то, и другое требовало немалых затрат.

Изначально богадельщицы поселились при единственной в Екатеринбурге кладбищенской Успенской каменной церкви. Кладбище действовало с 1773 г. и было устроено за чертой города в 120 саженьях от дороги, ведущей на Уктусский завод¹⁰⁵. Первоначально екатеринбуржцы предполагали перенести на новое кладбище старую деревянную Богоявленскую церковь, находившуюся в городе, но вплоть до 1778 г. это сделано не было, поскольку, как выяснилось, на этот перенос «кошту не имелось». Однако среди горожан нашелся благотворитель, взявший на себя все расходы по ее возведению. Им стал купец 1 гильдии Иван Иванович Хлепетин, жена которого была похоронена на этом кладбище.

В мае 1778 г. он лично приехал в Тобольск и 26-го числа подал прошение на имя архиепископа Тобольского и Сибирского Варлаама о выдаче благословенной грамоты на закладку каменной однопрестольной церкви в честь Успения Пресвятыя Богородицы, которую обещался построить «своим коштом». Грамоту он получил. Освящена церковь была 31 мая 1782 г.

21 марта 1783 г. купец И. И. Хлепетин подал прошение в Синод об определении к кладбищенской церкви священника и дьячка, обязуясь выдавать им

¹⁰⁴ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 28 об.

¹⁰⁵ Синодальными указами 1771 и 1772 гг. было предписано отводить для кладбищ места не менее 100 сажень от последней городской постройки (см.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 4 (отд. неоф.). С. 96).

от себя ругу в размере 24 руб. священнику и 12 руб. дьячку, как это делалось и в других церквах епархии, а кроме того просил приписать к ней часть городских домов в качестве прихода. Попутно он описал и состояние Успенской церкви: «...принадлежащую к церковному благолепию утварью украшена, книгами снабжена, освящена и для жительства при той церкви священнику и дьячку построен дом из его, Хлепетина, иждивения, без всякой от других помощи»¹⁰⁶. В храме имелся вызолоченный иконостас, в течение полугода велись службы по жене И. Хлепетина. Однако причт назначен не был, поскольку священнослужители 8 церквей Екатеринбурга не пожелали терять свои доходы от служб в кладбищенском храме, которые они время от времени проводили по требам верующих¹⁰⁷. В конце 1783 г. скончался и сам И. И. Хлепетин, а его сын не проявлял желания содержать кладбищенскую церковь, так что мысль об определении постоянного причта к ней была забыта на многие годы.

Иван Иванович Хлепетин незадолго до кончины оказал последнее благодеяние Успенской церкви. В сентябре 1783 г. был заложен придел в честь Тихвинской иконы Божьей Матери в Успенском храме, вероятно, на его средства. Придел освятили в 1785 г.¹⁰⁸

Деревянный дом для причта, построенный на средства купца Хлепетина в 30 саженях к западу от Успенской церкви «вблизи угла ограды каменной», долго пустовал, в нем-то и поселились в 1796 г. Татьяна Костромина со своими единомышленницами.

Вероятно, с первых лет существования общины богадельщицы питали особую духовную привязанность к иконе Тихвинской Божией Матери, находившейся в приделе Успенской церкви, где они, быть может, чаще всего и стояли во время церковных служб. К 1807 г. они дали обет неотлучно находиться при этой иконе: «...посвятив себя, и все общество [насельниц общины. — М. Н.] милости и покровительству [находящейся. — М. Н.] в Успенской церкви святой иконе Тихвинския Божией Матери, то и желают быть при ней во веки и с последующими»¹⁰⁹.

Описания убранства Успенской церкви на рубеже XVIII–XIX вв. не осталось, но, надо полагать, сестры сохранили ту первую почитаемую ими икону вплоть до революционных событий начала XX в. В описании Тихвинского

¹⁰⁶ Цит. по изд.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 4 (отд. неоф.). С. 99.

¹⁰⁷ Согласно принятому порядку, Синод потребовал от местных духовных властей узнать мнение священнослужителей города о прошении Хлепетина, и те единодушно указали, что приходских дворов в Екатеринбурге недостаточно для создания еще одного прихода, а службы в кладбищенской церкви они и так проводят и не желают терять этот источник доходов (Там же. С. 99–102).

¹⁰⁸ Историю строительства Успенской церкви подробнее см.: Там же. С. 95–102.

¹⁰⁹ Цит. по изд.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 5 (отд. неоф.). С. 102.

придела за 1875 г. значится особо украшенный образ Тихвинской Божией Матери, время появления которого в общине не указано¹¹⁰.

Таким образом, первоначальное место жительства екатеринбургских богдельщиц было обусловлено сочетанием факторов объективных и субъективных: на кладбище оказался пригодный для жизни пустовавший дом у храма, в котором находилась особо чтимая насельницами икона.

Как только вопрос об учреждении монастыря начал рассматриваться официальным порядком, встал вопрос о монастырском храме. Уже в распоряжении Пермской консистории июня 1806 г. одной из главных причин отказа в рассмотрении вопроса об учреждении монастыря было названо отсутствие средств на строительство и содержание монастырской церкви¹¹¹.

Благодетели, готовые построить близ места обитания богдельщиц каменную церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского, нашлись еще в конце 1806 г.¹¹², но когда впоследствии стали обсуждаться другие варианты расположения нового храма, купцы Калашников и Мартынов и мещанин Бронников указали, что их намерением было построить церковь именно на кладбище, поскольку «их родители и родственники на том кладбище похоронены», а кроме того напомнили, что обещались построить только церковь, а если обитель будет устраиваться на новом месте, то сестрам потребуются еще кельи и хозяйственные помещения, возводить которые они не обещали и ныне не собираются¹¹³.

Планы Татьяны Костроминой относительно места устройства монастыря за время пребывания в столице менялись. Если уезжая из Екатеринбурга, она полагала просить об учреждении монастыря близ кладбищенской Успенской церкви, то при обсуждении этого вопроса в столице с неким лицом, знавшим местную ситуацию (вероятно, с Александром Раздеришиным, это мнение было изложено в его же письме на имя епископа Пермского Иустина от 10 апреля 1807 г.), она склонилась к мнению, что быть на Успенском кладбище монастырю «несоответственно» в силу ряда причин: «1) что тут городское кладбище, могущее еще помещать [усопших. — М. Н.] до устройства другого; 2) от воды отдаленное; 3) по распространению города должно непосредственно со всех сторон обстроиться с отнятием мест и воды; 4) самый воздух в стенах, закрытых для слабых и набожно поствующих, быть должен нездоров, несносен, вреден...

По желанию гг. купцов и жителей не приличнее ли и для самого города, чтобы церковь святого Александра Невского устроить над Екатеринбургским

¹¹⁰ Иконников В. Историческое описание... С. 76–77.

¹¹¹ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 7 (отд. неоф.). С. 194–196.

¹¹² См. подробнее выше.

¹¹³ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 78–79 об.

прудом на мысу, где прежде старицы староверов жительствоваали¹¹⁴, и ежели Богу изволившу, то и желаемую Костроминой с сестрами обитель устроить, в чем, конечно, ей Бог и здесь благодетели помогут.

Места же сего выгоды суть:

1) церковь, устроенная [здесь], придаст знатное величие и красоту самому граду таковым зданием;

2) ежели милость Господня определит быть монастырю, то он будет и внутри, и отделенным от города;

3) воздух чище;

4) место пустое занято будет приличным зданием;

и 5) [наличие] воды для беления рукоделья сестер будет немаловажной выгодой, в которой оне ныне имеют совершенную нужду»¹¹⁵.

Однако Татьяна Костромина видела 2 существенных препятствия к переезду обители. Одно из них было чисто материальное — нежелание бросать каменный жилой корпус, построенный для насельниц при Успенской церкви, стоивший немало средств, да и сил «сиротствующим». Это препятствие можно было преодолеть, если бы градское общество сочло возможным приспособить здание для иных благотворительных целей — церкви, больницы, училища или воспитательного дома, а общине возместило бы расходы выделением «пособия» или помощью в благоустройстве на новом месте.

Второе препятствие Татьяна Костромина считала более существенным. Это был обет сестер не расставаться с иконой Тихвинской Божией Матери, находящейся в приделе Успенской церкви: «...благословлено ли будет оную святую икону перенести в ту обитель, где Святейший Синод, по благословию Пермского Владыки, благоволил быть обители; и [благословлено ли будет], по возможности сил их и добрых дателей, соорудить во имя Тихвинской Богоматери придел, церковь и, ежели да поможет Господь, и собор...

В заключение же вдова Костромина с кротостью изъясняется, что когда не будет на перенесение иконы Тихвинской позволения, то она с сестрами уже останется при том храме, где сия святая икона, и будет неотлучно, ибо обет ее и сестер уже сделан, и оне его переменить не могут»¹¹⁶.

Кстати, именно в этой «записке» впервые, пожалуй, упоминается предполагаемое название будущего монастыря — «Алекса́ндро-Ново-Тихвинский»¹¹⁷, которое, в духе монастырской традиции, воспроизводит название первой церкви в обители — на новом месте это должен был быть собор во имя свято-

¹¹⁴ Ныне это место — центр Екатеринбурга, в районе стадиона «Динамо». Под «жильством» старообрядцев подразумевается содержание их в ранее имевшейся там тюрьме.

¹¹⁵ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 5 (отд. неоф.). С. 101–102.

¹¹⁶ Там же. С. 102–103.

¹¹⁷ Там же. С. 101.

го Александра Невского с приделом (или отдельной церковью) в честь иконы Тихвинской Богоматери, перенесенной из Успенской церкви (посему — «Ново-Тихвинский»).

Идея создания монастыря как пустыни казалась Татьяне Костроминой все более привлекательной. 19 апреля 1807 г. она отправила от своего имени прошение епископу Пермскому о строительстве монастыря на новом месте: «Сображая во время моего моления в монастырях Киево-Печерском, в пустынях Саровской и в прочих общежительных обителях, я нахожу, что нахождение обители предпочтительно быть может отделенным от прочих зданий»¹¹⁸.

Однако это мнение Татьяны было неокончательным. В прошении императору в июне 1808 г. она возвращается к первоначальному плану — устроить обитель рядом с Успенской кладбищенской церковью. Вероятно, к этому времени она узнала мнение сестер, остававшихся в Екатеринбурге, которое они подтвердили и позже, в 1809 г.: «В рассуждении же перемены места для обители, как она, Исакова, равно и прочие все с нею живущие сестры с сего места благоустроенного никак переселиться не желают, а обещаются на сем самом месте оканчивать жизнь свою в преподобии и правде приносить Господу Богу и Божией Матери молитвы за Императора, и за всю Его Высочайшую фамилию, и за вся православные Христианы»¹¹⁹.

Насельниц можно понять: к этому времени они обзавелись хозяйством при церкви, бросать которое было жалко, а шансов продать за достойную цену было мало. К 1809 г. при Успенской церкви был не только каменный келейный 2-этажный корпус с пристроенными к нему службами, но и в некотором отдалении от него на дворе деревянная конюшня с сараем, далее еще деревянная конюшня, за ней курятник. Жилой корпус был огорожен палисадом, у сестер имелся огород, в огороде — колодец. Общая стоимость построек по ценам 1809 г. составляла не менее 5 000 руб. «А в каком количестве и на какую сумму имеется теперь при их сиротском доме святых икон, книг и утвари церковной, равно и одежд, ряс и прочего одеяния, словом, всякого имения, так же как она, Исакова, равно и все живущие с нею сказать не могут, а только объясняют, что по благодати Всемогущего ни в чем недостатка не имеют; хлеба со изобилием на годичное время имеется и прочего жизненного припаса, рогатого скота семь и лошадей две имеют, денег же наличо теперь имеют сорок пять рублей шестьдесят копеек»¹²⁰.

Екатеринбургская градская дума во исполнение предписания начальника Екатеринбургских горных заводов в мае 1809 г. сделала объявление о продаже

¹¹⁸ Цит. по изд.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 7 (отд. неоф.). С. 154.

¹¹⁹ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 78.

¹²⁰ Там же.

каменного корпуса и хозяйственных построек при Успенской церкви, но желающих не нашлось¹²¹.

Сам начальник Екатеринбургских заводов генерал Иван Филиппович Герман, исходя из интересов развития и благоустройства города, считал предпочтительным план создания монастыря на мысу над прудом, о чем и сообщил в ответе на запрос епископа Пермского 12 июня 1809 г., приложив к нему и все остальные «отзывы»: «Я с своей стороны полагаю, что, ежели бы возвесть на мысу здешнего заводского пруда церковь и кельи для пустынножительниц, то, конечно, было бы приличнее для города против предположения означенных купцов».

Однако он отнесся к желанию купцов вполне уважительно: если они выбрали место при кладбище, пусть так и будет. Вопреки мнению насельниц общины, он не видел надобности в строительстве там еще одной церкви: «...ибо церковь Успенская, существуя в самой близи или, лучше сказать, в нескольких шагах от сиротского дома; по пространству своему в ней можно с удобностью производить богослужение об усопших и ни малейшего препятствия быть не может и в отправлении обыкновенной церковной службы, для вседневного упражнения в слове Божиим означенных монастырок, для чего оне с удобностью могут иметь и священника с его принадлежностями». Инициативу же «усердствующих купцов» Калашникова, Мартынова и Бронникова генерал Герман предпочел бы обратить «на пристройку начатых, но не усовершенствованных монастырских заведений», о чем считал возможным даже «приказать» им¹²².

Учреждение монастыря и торжественный приезд Таисии

15 ноября 1809 г. Синод представил доклад императору с изложением всех обстоятельств дела и предложением учредить монастырь как заштатный с разрешением иметь 17 монахинь и наименованием «Алекса́ндро-Ново-Тихвинско́ю пусты́нью». Было отмечено, что женский монастырь создать нужно, поскольку в Пермской епархии нет женских монастырей, что его создать можно, поскольку не возражают горожане и местные светские власти и имеется капитал, сопоставимый с содержанием штатного третьеклассного монастыря, а также можно обратиться к кладбищенской Успенской церкви в монастырскую, назначив к ней причт, поскольку есть желающие построить неподалеку новую церковь, которая и станет кладбищенской. Таким образом, относительно монастырской церкви в докладе была предложена компромиссная позиция, согласовавшая разные мнения о создании монастыря и имевшееся законодательство. Именным указом 31 декабря 1809 г. на основании этого доклада в Екатерин-

¹²¹ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 80 об. – 81 об.

¹²² Там же. Л. 72 об. – 73; Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 11 (отд. неоф.). С. 250.

бурге был учрежден Ново-Тихвинский общежительный женский монастырь¹²³. Единственная поправка, которую император внес в мнение Синода, касалась названия обители. С момента официального учреждения общины прошло 10 лет, а со времени фактического ее образования — около 13 лет.

После издания указа об учреждении монастыря Татьяна и Агафья еще несколько месяцев оставались в столице, продолжая собирать пожертвования на обитель, в чем им помогал своими связями адмирал Ушаков. 22 января 1810 г. он дал екатеринбурженкам очередное рекомендательное письмо к обер-прокурору Синода князю А. Н. Голицыну: «Они с надеждою на всещедрую милость Божию, молящие подаяния от христоробивых людей, могут устраиваться, и иметь пропитание, и за благодеяния благодетельствующих проливать пред Богом с током слез теплые свои молитвы о вспомоществующих установлению сей обители, можно сказать, первой в том отдаленном крае вновь быть утвержденной, пред алтарем жертвы Богу прошения приносить будут о здравии их и благоденствии, и о спасении душ благодетелей».

Среди своих благодетелей сестры числили и самого обер-прокурора Синода, способствовавшего учреждению монастыря, и, главное, императора, которому желали поднести образ (икону) святых Александра и Елизаветы (святых покровителей императорской четы) «собственных трудов их сотрудиц... достойный замечания искусства их трудов»¹²⁴.

Поднося через обер-прокурора икону императору, екатеринбургские насельницы рассчитывали на ответный дар с его стороны: «...притом надеются на милость Божию, что Господь вселит в душу благочестивейшего и чадолюбивого Монарха от своей щедроты вспомоществовать их обзаведению единовременным подаянием... что Господь по сердцу положит».

Не преминул адмирал упомянуть и о достойном употреблении насельницами пожертвований: после учреждения монастыря они могут «усугубить старание свое и попечительность о сбережении принимаемых ими для пользования их коштом больных и увечных, не имеющих пропитания»¹²⁵.

Радуюсь наконец-то свершившемуся учреждению монастыря, Татьяна Костромина не забыла о всех проволочках, которые случились со времени подачи 1-го прошения еще в январе 1802 г., и старалась решить все организационные

¹²³ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 87–91 об.; Переписка с обер-прокурором Синода по делу об учреждении монастыря в Екатеринбурге // Там же. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924. Л. 1; ПСЗ-1. Т. 30. № 24057.

¹²⁴ Кто из насельниц общины писал эту икону — сказать сложно, возможно, это была сама Татьяна Костромина: известно, что в 1813 г. она занималась иконописанием (см.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 14 (отд. неоф.). С. 472–473).

¹²⁵ Письмо адмирала Федора Ушакова обер-прокурору Синода от 22 января 1810 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924. Л. 2–3.

вопросы, находясь в Петербурге: назначения настоятельницы и священника, пострига наиболее испытанных насельниц.

Татьяну сестры уже давно называли во всех своих прошениях «настоятельницей». Она была бесспорным духовным лидером екатеринбургской общины и оставалась им, даже находясь несколько лет вдали от нее.

Еще до учреждения монастыря, 15 августа 1809 г., Екатеринбургское градское общество дало Татьяне Костроминой свидетельство, утвержденное Екатеринбургской управой благочиния 21 августа. В нем значилось, что она с момента поселения при кладбищенской Успенской церкви «благочестно и благоугодно упражняясь во первых с немногим, а потом и с довольным количеством пришедших ревновать и последовать житию ее дев и жен вдовых... после сего она с купноживущими сестрами воздвигла двухэтажный каменный дом, на создание коего имея некоторое от граждан боголюбивых и от окрестных жителей пособие, а более собственными трудами и рачением... Она, Татьяна, во всю свою бытность здесь примером служила не только своим сотрудницам — сестрам, в общине ее находящимся, но и приходящим и слышащим мирским людям в добродетельном и богоугодном житии по монашескому уставу, в поддержании и трудолюбии, книгочтении и рукоделии, и словом во всех спасительных подвигах предворяла живущих с нею, и тем им показывала путь ко спасению. Доказательством чему служит [то обстоятельство], что в столь короткое время составила она, Татьяна, дом, могущий помещать около ста сестер, притом довольно святыми иконами, книгами и приличными монахиням одеждами и вещами снабженный и всеми жизненными припасами до избытка изобилующий». Горожане отмечали, что кладбищенская община собрана «единственно ею», Татьяною¹²⁶.

В июне 1810 г.¹²⁷ Татьяна подала прошение на имя императора, в котором, напомнив об учреждении монастыря, отмечала, что «ни игуменья, ни священник еще не определены, между тем как [для] управления сею обителью, так и для отправления в ней служения они весьма нужны... да и во всех случаях общество сие без настоятельницы расстроиться может... А как означенной дом устроен моим тщанием, и живущие в нем находились под моим управлением... всеподданнейше прошу, дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение принять и дозволить, по

¹²⁶ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // Там же. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 209–210 об. В дореволюционной публикации в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» этот документ приведен с рядом неточностей — см.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 10 (отд. неоф.). С. 303–304.

¹²⁷ В этой же публикации (Там же. С. 302) указано, что прошение подано 1 июня, хотя в документе, хранящемся в Синодальном архиве, число не проставлено. Прошение было рассмотрено на заседании Синода 15 июня (Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 207–208).

пострижении меня здесь в монашество, управлять сею обителью по прежнему до определения игуменьи, ежели я не могу быть удостоена сего чина...»¹²⁸.

Просила Татьяна и о назначении священником в монастырскую церковь давно опекавшего их прот. Николая Вологодского, что стало еще актуальнее после учреждения монастыря, поскольку при обращении Успенской церкви из кладбищенской в монастырскую отпевания должны были прекратиться, «и чрез то оне лишаются славословия Божия»¹²⁹.

Еще одной заботой Татьяны было ходатайство о постриге ближайшей сорагницы, «ибо многие из живущих в той обители вдов и сирот просят о пострижении в монашество, в числе коих состоит умершего унтер-офицера Иуды Котухина дочь девица Агафья — особенная в трудах моих помощница, о коих уже от Преосвященного Иустина, Епископа Пермского, и Святейшему Синоду представлено...»¹³⁰.

Синод рассмотрел это прошение и постановил вопрос о постриге и назначении настоятельницей Татьяны передать на рассмотрение императора. Согласно законодательству, постригать в монашество можно было вдов не младше 60 лет, а девиц — не младше 50 лет. Татьяне было 45 лет. Синод, однако, отметил ее заслуги и просил императора в порядке исключения разрешить ей принятие иноческого сана, сочтя ее достойной и сана, и настоятельства в монастыре. Агафья Котухина была еще моложе Татьяны (ей исполнилось 35 лет), и Синод вынужден был «по недостижению ею многих еще к тому лет отказать».

Вопрос о назначении священника к монастырской церкви относился к компетенции епархиального архиерея, и Синод рекомендовал Татьяне Костроминной обратиться с просьбой о назначении Николая Вологодского к епископу Пермскому¹³¹.

11 июля 1810 г. в Синоде получили еще 3 прошения из Екатеринбурга, явно запоздавшие. 1-е прошение, составленное 16 июня и подписанное 28 насельницами, приводим почти полностью:

«По силе именного Его Императорского Величества указа, состоявшегося минувшего 1809 года декабря в 31 день, о учреждении Пермской епархии в городе Екатеринбурге Ново-Тихвинской женской обители потребно нам, нижайшим, иметь над собою начальницу — игуменью. А как мы все собраны и пристроены к сему месту находящеюся теперь в Санкт-Петербурге Татьяною Андреевой Костроминной и оною самую наставлены на богоугодное житие,

¹²⁸ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминной... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 207 об. – 208.

¹²⁹ Там же. Л. 207 об.

¹³⁰ Там же. Впрочем, в Синод представление от еп. Иустина не поступало ни о постриге Котухинной, ни о самой Костроминной (Там же. Л. 215 об.).

¹³¹ Там же. Л. 215–217 об.

во всем подобное монашескому уставу Саровской общежительной пустыни, того ради Святейший Правительствующий Синод всемирно и униженно просим и молим оную духовную мать и наставницу спасения нашего, Татьяну Костромину, удостоив пострижения, благословить и учредить над нами игуменьей и наставницею быть навсегда. А если по каким-либо неизвестным нам обстоятельствам не удостоена будет она, Татьяна Костромина, пострижения, в таковом случае раболепно просим оную ж, хотя и непостриженную, над нами учредить строительницею и начальницею нашей обители. Все наше сирое сословие, собранное единственно ею, Татьяною, и наставленное на путь спасительный, всеусердно желает, дабы она, а не иная другая имела над оным начальство и попечение.

Вашего Святейшества
всенижайшие и последнейшие
послушницы и богомольщицы...¹³²»

2-е прошение было написано 18 июня от имени насельниц монастыря и ходатайствовало в пользу прот. Николая Вологодского.

Сестры не преминули указать, что он опекает общину с 1799 г., много старался к побуждению «доброхотных дателей» к пожертвованиям в пользу общины, да и сам многое пожертвовал ей:

«1. Образ Святителя Иннокентия Иркутского хорошей живописи, на холсте, в золоченных рамах, мерою 5 четвертей.

2. Деньгами пятьдесят рублей.

3. Книга Великого Василия «Поучения», ценою 8 руб.

4. Лампад посеребренный, ценою в 28 рублей.

5. Ковер персидский в 10 рублей.

6. Пшеничной муки 40 пуд.

7. Муки ржаной 30 пуд.

8. Рыбы разной и осетрины на 35 рублей.

9. Восковых свеч 15 фунтов.

10. Масла деревянного полпуда.

11. Масла коровьего пуд.

12. Сальных свеч также пуд.

и 13-е. Один пуд льну».

С большим уважением насельницы отозвались и еще об одной инициативе прот. Николая: «А при совершенном образовании и открытии обители нашей и еще обещается пожертвовать, а паче всего не отрекается взять на себя обязанность, если только начальству будет благоугодно препоручить, смотрение иметь и попечение над имеющимися в нашей обители безденежно

¹³² Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминной... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 223–223 об.

обучаться девицами-сиротами чтению и рукоделию, и оным книги доставлять на свой кошт»¹³³.

3-е прошение, составленное также 18 июня, было подано от 11 вдов и девиц монастыря, среди которых были и старейшие его насельницы. Сестры просили постричь их в монашество.

Они сообщали, что «стеклись» к Татьяне Костроминой «в разные времена, дав Богу обещание жить до окончания жизни нашей неисходно... всеусердно желаем Ангелоподобный образ монашеский на себя воспрять и вступить в подвиг оный, оставя мирские имена, дела, и одежды, а воспрять все приличное монашескому Уставу... Того ради Святейший Правительствующий Синод всемирно и униженно просим: сподобив нас, грешных, оного Ангелоподобного образа монашеского, предписать кому следует постричь нас и оставить в Ново-Тихвинской Екатеринбургской женской обители препровождать остаток дней наших, который все мы давно уже посвятили Богу, призвавшему нас в сие место для прославления Пресвятаго Имени Пречистыя Богоматери»¹³⁴.

Эти прошения были рассмотрены Синодом 22 августа 1810 г. Еще до этого, 19 июля состоялось Высочайшее повеление о постриге Татьяны. 7 августа в единственном в столице действующем женском монастыре (Воскресенском) она была пострижена в монашество и наречена Таисией присутствовавшим тогда в столице архимандритом Тобольского Знаменского монастыря Михаилом¹³⁵. Вопросы о постриге 11 желающих в монашество и о назначении протоиерея Вологодского были переданы на рассмотрение епископа Пермского.

Указом Синода 20 сентября 1810 г. монахиня Таисия была определена в игуменский сан, более приличествующий настоятельнице монастыря. Однако сам обряд посвящения должен был произвести епископ Пермский по ее возвращении в Екатеринбург¹³⁶.

Монахиня Таисия и послушница Агафья Котугина в конце сентября отравились домой. Из-за распутицы доехали они до Москвы только 15 октября и поняли, что придется дожидаться установления зимнего пути там. 22 октября 1810 г. Таисия сообщила об этом епископу Пермскому Иустину, прося его продолжить отеческие заботы о «новоустроющейся обители нашей». Таисию беспокоили прежде всего перспективы расширения монастырских построек, которым могло помешать кладбище:

¹³³ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 225–225 об.

¹³⁴ Там же. Л. 224–224 об.

¹³⁵ Там же. Л. 218, 222–222 об.; Очерки истории Санкт-Петербургской епархии / ред.-сост. митр. Иоанн (Снычёв). Петербург, 1994. С. 125.

¹³⁶ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1905. № 10 (отд. неоф.). С. 302; Иконников В. Историческое описание... С. 8.

«А как известно уже и Вашему Преосвященству, что кладбище должно быть не в обители, а в другом месте, священники же, бывшие при нашей церкви, погребают и ныне многих усопших, чрез что умножилось число могил, [которые] могут нам в постройках по фундаменту сделать препятствия, коих мы по новости срывать не осмелимся, а потому ни дорог, ни келий по надлежащему расположить не можно. В рассуждении сего просим Ваше Преосвященству повелеть кому следует погребения оные до времени приостановить. Также и по обители новоустрояемой, чтобы сохраняем был порядок, приказать кому заблагорассудите иметь христианский надзор»¹³⁷.

12 января Пермская консистория проинформировала Главную контору Екатеринбургских заводов о необходимости прекратить захоронения и об указном предписании купцам построить новую кладбищенскую церковь¹³⁸. Двое из троих прежде «усердствовавших» — купец Калашников и мещанин Бронников — не без некоторого раздражения отметившие, что повеление не вполне согласуется с их первоначальными намерениями, все-таки выбрали место сажень в 200 или более от имеющихся монастырских построек и заказали составить проект постройки храма во имя святого благоверного Александра Невского, который и просили в апреле 1811 г. одобрить Екатеринбургскую управу благочиния¹³⁹.

Между тем несколько месяцев вынужденного пребывания в Москве монахиня Таисия использовала во благо монастыря. Она постаралась найти в московских обителях опытных в иноческой жизни насельниц, готовых отправиться с нею на Урал. По крайней мере одну такую она нашла в Никитском монастыре, это была монахиня Евпраксия, уже в летах, согласившаяся поехать в Екатеринбург. Настоятельница Таисия желала возложить на нее послушание казначеи.

Приехали с Таисией в Екатеринбург и 4 послушницы, найденные ею в каких-то монастырях Центральной России, быть может, в том же самом Московском Никитском. Звали этих девиц Агафья, Васса, Матрона и Анна, и настоятельница Екатеринбургского монастыря достаточно высоко оценивала их способности, намереваясь сделать ближайшими помощницами казначеи по управлению обителью.

На Урал матушка Таисия вернулась лишь в июне 1811 г., прожив, таким образом, в Петербурге и Москве около 5 лет.

В Перми 11 июня она была произведена в сан игумении «во уважение ее усердия и богоугодных подвигов в учреждении и устройении обители». Обряд был свершен самим епископом Иустином в Петропавловском соборе во время

¹³⁷ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 11 (отд. неоф.). С. 251.

¹³⁸ Промемория Пермской духовной консистории в Главную екатеринбургских заводов контору от 12 января 1811 г. // ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 1–6 об., 15–15 об.

¹³⁹ Там же. Л. 7–10 об., 15–15 об.

архиерейского служения. В этот же день пред всенощным бдением в Крестовой церкви были облачены в рясофор 4 послушницы, привезенные Таисией¹⁴⁰.

Прибыть в свой родной монастырь после долгого отсутствия игумении Таисии хотелось 26 июня — в день Тихвинской иконы Божией Матери — и именно в этот день торжественно отпраздновать официальное учреждение монастыря, указ о котором был издан более полутора лет тому назад (!).

Матушка Таисия полагала, что богатые дары, которые она привезла с собой, искупят долгое ожидание. Первым среди них был образ Тихвинской Богоматери — точная копия чудотворной иконы, написанная еще в 1807 г.¹⁴¹ в самой Тихвинской обители¹⁴², вероятно, по ее заказу. Можно предположить, что за время длительного пребывания в Петербурге, пользуясь покровительством митрополита Новгородского Амвросия, в чьем ведении состояла прославленная Тихвинская обитель, она побывала там лично.

Перед отъездом из Петербурга матушка Таисия получила еще один бесценный для монастыря дар — 25 частиц святых мощей из новгородского кафедрального Софийского собора, переданные ей по благословению митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Амвросия. Прибыв в Пермь, Таисия просила преосвященного Иустина «оным мощам учинив водосвящение, положить их в образ, нарочито ею для сего изготовленный¹⁴³, и по совершении сего священного обряда, когда препроводит она святые мощи купно с иконою Тихвинския Божия Матери в город Екатеринбург, внести оные и икону Тихвинския Божия Матери с священною церемониею в помянутую обитель, а по желанию и усердию богомольцев позволить носить оные в дома и окружные селения...»

Владыка препоручил подготовить все необходимое для водоосвящения протоиерею пермского Петропавловского собора Иоанну, и 11 июня 1811 г., в день посвящения Таисии Костроминой в игуменский сан и облачения 4 послушниц в рясофор, перед литургией перенести эти мощи вместе с иконой Тихвинской Божией Матери со священной церемонией из Крестовой церкви в Петропавловский собор, а в соборе «на сей священный случай учинить ранее того благовест на собор, и когда те святые мощи и икона Тихвинской Божией Матери переносимы будут, произвести при всех здешних церквах звон»¹⁴⁴. Так и было исполнено.

Однако наиболее торжественные мероприятия намечались на время перенесения иконы и мощей из Перми в Екатеринбург. Они должны были стать событием церковной жизни Екатеринбурга. Чтобы парадно встретить игуме-

¹⁴⁰ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1906. № 24 (отд. неоф.). С. 808, 811, 814.

¹⁴¹ Сведения о дате написания иконы имеются только у В. Иконникова (*Иконников В. Историческое описание...* С. 75).

¹⁴² Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 3 (отд. неоф.). С. 53.

¹⁴³ Этот «образ», предназначенный для мощей, представлял собой крест (см.: Там же. С. 55).

¹⁴⁴ Там же // ЕЕВ. 1906. № 24 (отд. неоф.). С. 809–810.

нию Таисию, из Перми заблаговременно выехала монахиня Евпраксия, получившая 15 июня указ о своем назначении казначеей монастыря. Ей предписывалось «с обитающими в той обители сестрами и с протоиереем Николаем Вологодским сделать оной настоятельнице надлежащую встречу и введение в обитель, потом ей, казначее, с сестрами быть у нее в послушании и повинности, оказывая ей всякое почтение и уважение»¹⁴⁵.

Церемония перенесения мощей и иконы была детально проработана: «...при отбытии настоятельницы Таисии в свою обитель, образ с святыми мощами и икону Тихвинской Божия Матери проводить из здешнего города с священною же церемониею и звоном при всех церквах упомянутому же отцу протоиерею Иоанну до первой от города Перми церкви. Далее же сей церкви чинить встречу и провожание оных священникам и благочинным от церкви до церкви, чрез которые шествие продолжаться будет, с звоном же, о чем тем священникам и благочинным чрез духовные правления Екатеринбургское и Кунгурское сделать предписания. А при приближении сих икон к городу Екатеринбургскому учинить встречу следующим порядком: в Екатеринбургском Екатерининском соборе, также и в Ново-Тихвинской женской обители учинить благовест на собор, а потом из всех церквей с образами и хоругвями протоиереям Феодору Карпинскому и Николаю Вологодскому со всеми градскими священноцерковнослужителями следовать на то место, где оные иконы в предместье города останоятся. И там отправив молебен, с самого того места нести образ с святыми мощами протоиереям Карпинскому и Вологодскому, а икону Тихвинския Божией Матери — кто по усердию пожелает в обитель. И по принесении, поставив на приличные места, отправить в обители соборне литургию, а по окончании сей и благодарственный Господу Богу молебен с водосвящением и многолетием Высочайшей Императорской фамилии и крестным вокруг обители и всего города Екатеринбурга ходом. О каковой священной церемонии Екатеринбургскому духовному правлению заблаговременно известить, как следует, и граждан города Екатеринбурга, господ чиновников, купцов и других званий людей. Церемонию же сию или процессию по приличию и желанию настоятельницы Таисии учинить в 26 число сего месяца в день Тихвинския Божия Матери, во имя которой обитель устроена...»¹⁴⁶.

Так состоялось долгожданное событие — открытие Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря. Очевидно, что тщательно продуманный порядок свершения этого события был задуман как триумф настоятельницы Таисии, добившейся вопреки всем преградам заветной цели — учреждения монастыря. Само же учреждение демонстрировалось как важнейшее событие для всей Пермской епархии — это был единственный женский монастырь в ней.

¹⁴⁵ Материалы для истории... // ЕЕВ. 1907. № 3 (отд. неоф.). С. 811–812.

¹⁴⁶ Цит. по изд.: Материалы для истории... // ЕЕВ. 1906. № 24 (отд. неоф.). С. 810.

Подводя итоги, надо признать, что весь 15-летний период от появления первых насельниц до торжественного открытия официально учрежденного в Екатеринбурге монастыря был периодом выбора пути существования женской общины, становления ее традиций. Рождение монастыря произошло в переломный для российского православного иночества исторический момент, когда предыдущая традиция существования монашества была практически прекращена секуляризационной политикой императорской власти от Петра I до Екатерины II, а новая еще не сложилась. В этот период, кризисный для регионального иночества, екатеринбурженки обратились к опыту Саровской пустыни, хранившей верность нормам монашеского общежития, и устав этой пустыни стал краеугольным камнем организации монашеского социума Екатеринбурга.

Выбор стоял перед екатеринбургскими насельницами между богадельней и монастырем: быть ли призреваемыми в богадельне или стать монастырем, который будет оказывать благотворительную помощь нуждающимся? А это был выбор не только организационной формы, но и способа существования: они могли остаться небольшой богадельней на содержании горожан или должны были сами найти себе источники существования и обеспечить будущее своей общины. Горожане, положительно относившиеся к насельницам кладбищенской общины и в целом не возражавшие против существования монастыря, на практике не смогли собрать той минимальной суммы, которая, согласно представлению властей, могла обеспечить существование даже самого небольшого монастыря. При этом стоит отметить, что именно мастеровые екатеринбургских заводов взяли на себя обязательство вносить регулярные взносы на содержание общины, тогда как более состоятельные лица оказались не готовы стеснить себя таким обязательством, хотя и соглашались выделить средства одновременно. Благотворители, согласные возвести храм, имели целью благоустройство кладбищенской церкви, а вовсе не обеспечение потребностей новосоздаваемой обители. Региональные светские власти интересовались не столько устройством жизни монашеской общины, сколько тем, как монастырские постройки могут украсить городской пейзаж. Старообрядцы Екатеринбурга, имевшие значимые экономические позиции в городе, также не стремились поддержать идею учреждения монастыря. Пермские епархиальные власти достаточно формально отнеслись к идее создания обители, поскольку были заняты организационными вопросами формирования собственно епархиальной инфраструктуры, а также видели сложное положение уже имевшихся в регионе мужских монастырей. Весь этот конгломерат противоречивых интересов, помноженный на нерасторопность исполнения предписаний, привел к тому, что все вопросы, связанные с учреждением монастыря, решались весьма долго. И только вера и энергия самих насельниц, и особенно Татьяны Костроминой, смогли преодолеть эти преграды. Этот трудный путь сформировал понимание того, что будущее своей общины

они должны обеспечить сами, не надеясь на помощь извне, но добиваясь всего, на что могут рассчитывать по закону. Эта установка была адекватна новым условиям модернизирующегося российского общества имперского периода, в котором религиозная жизнь утрачивала роль общественно значимой, признавалась частным делом индивида. В этих условиях монастыри должны были доказывать свою общественную пользу «необременительностью» для местного сообщества и даже благотворительной пользой для него, а также высоконравственным строем жизни. Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь первым на Среднем Урале встал на этот путь и стал опорой для других обителей, появившихся в регионе позднее.

Источники

1. Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 156. Оп. 1. Д. 2777; Оп. 2. Д. 2885; Оп. 3. Д. 440, 2727, 2926; Оп. 4. Д. 167, 347, 2054; Оп. 5. Д. 212.
2. Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. 224. Оп. 1. Д. 167, 520, 533, 555, 609, 653, 687.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 82, 83; Ф. 12. Оп. 1. Д. 157; Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113; Ф. 35. Оп. 1. Д. 39.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 6. № 4022; Т. 7. № 4151, 4450; Т. 16. № 12060, 12121; Т. 17. № 12479; Т. 19. № 13721; Т. 22. № 16374, 16375, 16411, 16649, 16721; Т. 30. № 24057; Т. 31. № 24696; Т. 39. № 30010; Т. 44. Ч. 2. Отд. 3. К № 12060.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. СПб., 1843. Т. 17. Отд. 1. № 15188; Отд. 2. Приложения. К № 15188.
6. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. СПб., 1910. Т. 1. № 175, 264, 280, 637; Петроград, 1915. Т. 3. № 1442.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 88. Д. 255; Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924.

Литература

1. *Авель (Ванюков), иером.* Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки, в ней подвизавшиеся. М., 1853.
2. Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001.
3. *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993. Ч. 2.
4. *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем: в 3 т. СПб., 2007.
5. *Иконников В.* Историческое описание Екатеринбургского Ново-Тихвинского первоклассного девичьего монастыря. СПб., 1875.

6. *Комиссаренко А. И.* Разработка законодательных актов секуляризационной реформы 1764 г. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 1998. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. С. 34–47.
7. Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1905. № 4 (отд. неоф.). С. 95–102; № 5 (отд. неоф.). С. 129–133; № 7 (отд. неоф.). С. 193–198; № 10 (отд. неоф.). С. 299–305; № 12 (отд. неоф.). С. 398–405; № 13 (отд. неоф.). С. 434–438; № 14 (отд. неоф.). С. 468–474; № 15 (отд. неоф.). С. 497–501; 1906. № 24 (отд. неоф.). С. 808–814; 1907. № 3 (отд. неоф.). С. 53–59; № 5 (отд. неоф.). С. 95–103; № 7 (отд. неоф.). С. 153–162; № 11 (отд. неоф.). С. 246–252; 1910. № 5 (отд. неоф.). С. 121–136; № 7 (отд. неоф.). С. 163–176; № 9 (отд. неоф.). С. 204–215.
8. *Нечаева М. Ю.* Монашество Среднего Урала синодального периода: принципы формирования и социальный состав. Екатеринбург, 2019.
9. О судьбе Православной Церкви Русской в царствование императора Александра I-го. (Из записок А. С. Стурдзы) // Русская старина. 1876. Т. 15. С. 267–288.
10. *Овчинников В. Д.* Святой адмирал Ушаков (1745–1817). Историческое повествование о земном пути святого праведного воина. М., 2003.
11. Очерки истории Санкт-Петербургской епархии / ред.-сост. митр. Иоанн (Снычѳв). Петербург, 1994.
12. *П. О. Г.* Перевод Пыскорского ставропигиального монастыря в губернский город Пермь // Пермские епархиальные ведомости. 1881. № 12 (отд. неоф.). С. 130–133; № 15 (отд. неоф.). С. 165–170.
13. *Поселянин Е.* Преподобный Серафим, Саровский чудотворец (с новыми сведениями о старце). М., 1991.
14. Саровская общежительная пустынь. Подробное описание. М., 1908.
15. *Сацкий А. Г.* Федор Федорович Ушаков // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 51–78.
16. *Серафим (Чичагов), архим.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима Саровского и схимонахини Александры, урожд. А. С. Мельгуновой. Краснодар, 1991.
17. *Скрицкий Н. В.* Самые знаменитые флотоводцы России. М., 2000.
18. Тобольская епархия. Омск. 1892. Ч. 2. Отд. 2: Описание церквей и монастырей Тобольской епархии. Вып. 4.
19. *Чудецкий П. И.* Опыт исторического исследования о числе монастырей русских, закрытых в XVIII и XIX веках. Киев, 1877.
20. *Шиман Ф. Ф.* Император Александр Павлович и его двор в 1804 г. // Русская старина. 1880. Т. 29. С. 793–822.
21. *Штейнфельд Н. П.* Исторический очерк столетия Екатеринбургского Ново-Тихвинского первоклассного девичьего монастыря. Екатеринбург, 1901.
22. *Шторм Г.* Страницы морской славы. М., 1954.

Marina Yu. Nechaeva

THE ORIGINS OF THE NOVO-TIKHVINSKY
CONVENT IN EKATERINBURG
(TO THE 210TH ANNIVERSARY OF THE CONVENT)

Abstract. The article discusses the early period in the history of Novo-Tikhvinsky Convent in Ekaterinburg in the context of the church policy of the Synodal period and monastic practices at the turn of the 19th century. This was the time when sisters' community had to choose their way and when many of the convent's traditions began. The convent was founded in the critical period of the Russian Orthodox monasticism when the old tradition was almost completely eliminated by the secularization policy of the Russian emperors, from Peter the Great to Catherine II, while the new tradition was yet to be born. In this period the inhabitants of an almshouse in Ekaterinburg, inspired by the story of the Sarov monastery and its Charter, decided to found a convent. These women made a choice to transform the almshouse, where they labored, into a convent, to follow the norms of communal monastic life and to conduct charitable activities in caring for those in need.

The article analyzes attitude of different groups of the Ural society and the authorities to the project of the future Novo-Tikhvinsky Convent. Although at the turn of the 19th century Ekaterinburg residents had a positive attitude towards the monastic community centered around the cemetery church, they failed to raise even the minimum sum that was necessary to establish and maintain a small convent. The city authorities were more concerned about how the convent's buildings would be integrated into the urban landscape rather than the establishment of a new monastic community. The Old Believers of Ekaterinburg, who were wealthy and held a high status in the city, were also not supportive of the idea. The administration of the Perm diocese did not show much interest either and the women had to shoulder the entire burden. The history of the convent thus mirrored the history of the Russian society in the imperial period, which was going through the time of modernization: the significance of religion in the public sphere was declining and religion was deemed to be a private rather than public matter.

Keywords: *the Novo-Tikhvinsky Convent in Ekaterinburg, Synodal period, monasteries, modernization of public life, monastic landscape, establishment of the convent, Orthodox monasteries.*

Citation. Nechaeva M. Yu. Ekaterinburgskii Novo-Tikhvinskii zhenskii monastyr': vybor puti (k 210-letiiu otkrytiia obiteli) [The Origins of the Novo-Tikhvinsky Convent in Ekaterinburg (To the 210th Anniversary of the Convent)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii* — *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2021, no. 36, pp. 168–221. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-36-168-221

About the author. Nechaeva Marina Yurievna — PhD (History), Senior Researcher of the Methodology and Historiography Center at the History and Archeology Institute of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3278-7269>. E-mail: atlasch@yandex.ru

Submitted on 03 October, 2021

Accepted on 11 November, 2021

References

1. Avel' (Vaniukov), ierom. *Obshchezhitel'naia Sarovskaia pustyn' i dostopamiatnye inoki, v nei podvizavshiesia* [Coenobite Sarov Hermitage and Memorable Monks Who Labored in It]. Moscow, 1853.
2. *Blagotvoritel'nost' na Urale* [Charity in the Urals]. Ekaterinburg, 2001.
3. Bulgakov S. V. *Nastol'naia kniga dlia sviashchenno-tserkovno-sluzhitelei* [Handbook for Clergymen]. Moscow, 1993, part 2.
4. Chudetskii P. I. *Opyt istoricheskogo issledovaniia o chisle monastyrei russkikh, zakrytykh v XVIII i XIX vekakh* [The Experience of Historical Research on the Number of Russian Monasteries Closed in the 18th and 19th Centuries]. Kiev, 1877.
5. Ikonnikov V. *Istoricheskoe opisanie Ekaterinburgskogo Novo-Tikhvinskogo pervoklassnogo devich'ego monastyria* [Historical Description of the Ekaterinburg Novo-Tikhvin First-Class Women's Monastery]. Saint Petersburg, 1875.
6. Komissarenko A. I. *Razrabotka zakonodatel'nykh aktov sekuliarizatsionnoi reformy 1764 g.* [Development of Legislative Acts of the Secularization Reform of 1764]. *Problemy istorii Rossii — Problems of Russian History*, no. 2: Opyt gosudarstvennogo stroitel'stva XV–XX vv. [Experience of State Building in 15th–20th Centuries]. Ekaterinburg, 1998, pp. 34–47.
7. *Materialy dlia istorii Ekaterinburgskogo zhenskogo monastyria* [Materials for the History of the Ekaterinburg Nunnery]. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti — Ekaterinburg Diocesan Gazette*, 1905, no. 4 (unoff. section), pp. 95–102; no. 5 (unoff. section), pp. 129–133; no. 7 (unoff. section), pp. 193–198; no. 10 (unoff. section), pp. 299–305; no. 12 (unoff. section), pp. 398–405; no. 13 (unoff. section), pp. 434–438; no. 14 (unoff. section), pp. 468–474; no. 15 (unoff. section), pp. 497–501; 1906, no. 24 (unoff. section), pp. 808–814; 1907, no. 3 (unoff. section), pp. 53–59; no. 5 (unoff. section), pp. 95–103; no. 7 (unoff. section), pp. 153–162; no. 11 (unoff. section), pp. 246–252; 1910, no. 5 (unoff. section), pp. 121–136; no. 7 (unoff. section), pp. 163–176; no. 9 (unoff. section), pp. 204–215.
8. Nechaeva M. Iu. *Monashestvo Srednego Urala sinodal'nogo perioda: printsipy formirovaniia i sotsial'nyi sostav* [Monasticism of the Middle Urals during the Synodal Period: Principles of Formation and Social Composition]. Ekaterinburg, 2019.
9. O sud'be Pravoslavnoi Tserkvi Russkoi v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I-go. (Iz zapisok A. S. Sturdzy) [On the Fate of the Russian Orthodox Church during the Reign of Emperor Alexander I (From the Notes of A. S. Sturdza)]. *Russkaia starina — Russian Antiquity*, 1876, vol. 15, pp. 267–288.
10. Ioann (Snychev), Metropolitan. *Ocherki istorii Sankt-Peterburgskoi eparkhii* [Studies of the History of St. Petersburg Diocese]. Saint Petersburg, 1994.
11. Ovchinnikov V. D. *Sviatoi admiral Ushakov (1745–1817). Istoricheskoe povestvovanie o zemnom puti sviatogo pravednogo voina* [Saint Admiral Ushakov (1745–1817). Historical Story about the Earthly Path of the Holy Righteous Warrior]. Moscow, 2003.
12. P. O. G. *Perevod Pyskorskogo stavropigial'nogo monastyria v gubernskii gorod Perm'* [Transfer of the Pyskorsky Stavropegic Monastery to the Provincial City of Perm']. *Permskie*

Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь: выбор пути...

eparkhial'nye vedomosti — *Perm Diocesan Gazette*, 1881, no. 12 (unoff. section), pp. 130–133; no. 15 (unoff. section), pp. 165–170.

13. Poselianin E. *Prepodobnyi Serafim, Sarovskii chudotvorets (s novymi svedeniami o startse)* [Reverend Seraphim, the Sarov Wonderworker (With New Information about the Elder)]. Moscow, 1991.

14. *Sarovskaia obshchezhitel'naia pustyn'. Podrobnoe opisaniie* [The Sarov Coenoby Hermitage. A Detailed Description]. Moscow, 1908.

15. Satskii A. G. Fedor Fedorovich Ushakov. *Voprosy istorii* — *Questions of History*, 2002, no. 3, pp. 51–78.

16. Serafim (Chichagov), arkhim. *Letopis' Serafimo-Diveevskogo monastyria Nizhegorodskoi gub. Ardatovskogo uезда s zhizneopisaniem osnovatelei ee: prepodobnogo Serafima Sarovskogo i skhimonakhini Aleksandry, urozhd. A. S. Mel'gunovoi* [Chronicle of the Seraphim-Diveevsky Monastery in the Ardatovsky District of Nizhny Novgorod province, with the Biography of Its Founders: Monk Seraphim of Sarov and Schema-nun Alexandra, Born A. S. Melgunova]. Krasnodar, 1991.

17. Shiman F. F. Imperator Aleksandr Pavlovich i ego dvor v 1804 g. [Emperor Alexander Pavlovich and His Court in 1804]. *Russkaia starina* — *Russian Antiquity*, 1880, vol. 29, pp. 793–822.

18. Shteinfeld N. P. *Istoricheskii ocherk stoletiiia Ekaterinburgskogo Novo-Tikhvinskogo pervoklassnogo devich'ego monastyria* [A Historical Sketch of the Centenary of the Ekaterinburg Novo-Tikhvinsky First-class Convent]. Ekaterinburg, 1901.

19. Shtorm G. *Stranitsy morskoi slavy* [Pages of Maritime Glory]. Moscow, 1954.

20. Skritskii N. V. *Samye znamenitye flotovodtsy Rossii* [The Most Famous Naval Commanders of Russia]. Moscow, 2000.

21. *Tobol'skaia eparkhiia. Ch. 2, otd. 2, vyp. 4: Opisanie tserkvei i monastyrei Tobol'skoi eparkhii* [Tobolsk Diocese. Part 2, section 2, issue 4: Description of the Churches and Monasteries of the Tobolsk Diocese]. Omsk, 1892.

22. Zverinskii V. V. *Material dlia istoriko-topograficheskogo issledovaniia o pravoslavnykh monastyriakh v Rossiiskoi imperii s bibliograficheskim ukazatelem: v 3 t.* [Material for a Historical and Topographic Study of Orthodox Monasteries in the Russian Empire, with a Bibliographic Index: in 3 volumes]. Saint Petersburg, 2007.